

— Да благословить тебя Богъ, вдохновившій на такое смѣлое предпріятіе, — пылко воскликнулъ онъ. — О, почему въ Польшѣ такъ мало такихъ благородныхъ и самоотверженныхъ сыновъ! о, какъ они необходимы въ эти ужасные дни сомнѣнія и равнодушія! Увы, къ великому сожалѣнію, вы оба являетесь какимъ-то исключеніемъ!

Замойскій, охваченный энтузіазмомъ, прервалъ настоятеля и обратился къ своему товарищу:

— Господинъ Чарнецкій, вы съ своей стороны постарайтесь заранѣе навести орудія такимъ образомъ, чтобы какъ слѣдуетъ встрѣтить шведовъ въ случаѣ, если бы они вздумали насъ преслѣдовать; пороку для нихъ не жалѣйте.

— Само собой разумѣется, — отвѣтилъ Чарнецкій, — тѣмъ не менѣе я не могу вамъ простить того, что вы не хотите взять меня съ собой.

— Вы сами видите, что это невозможно.

Друзья переговорили еще о нѣкоторыхъ подробностяхъ задуманной вылазки и вскорѣ разошлись. Замойскій отправился къ своимъ солдатамъ, осмотрѣлъ ихъ и далъ имъ необходимыя указанія.

Нѣкоторые шляхтичи съ удивленіемъ присматривались ко всѣмъ этимъ приготовленіямъ, даже не предполагая о предстоящей опасной эскурсіи.

Около полудня изъ восточной части укрѣпленія, черезъ хорошо замаскированную потайную дверь, вышли ясногорскіе солдаты и скрылись за землянымъ валомъ. Ихъ было сто человѣкъ, но всѣ они были, точно на подборъ, храбрые, сильные, ловкіе и очень опытные въ военномъ дѣлѣ люди. Замойскій вмѣстѣ съ своимъ сыномъ ждалъ, когда шведы отправятся обѣдать. Ждать, впрочемъ, пришлось не долго. Канонада на время умолкла и ровно въ двѣнадцать часовъ послышался сигналъ. Рейтары и пѣхота стройно двинулись къ лагерю. Въ окопы пришла проститься съ своимъ мужемъ и сыномъ госпожа Замойская. Прощаніе было краткое, но очень трогательное. Замойскій крѣпко подѣловалъ супругу и весело сказалъ:

— Будь мужественна и не тревожься; кого Всемогушій захочетъ спасти, того спасетъ; будь что будетъ, а намъ надо исполнить свой долгъ.

— Повѣрь, что я тебя не стану отговаривать, — съ достоинствомъ проговорила она, — такъ какъ вполне сознаю свою обязанность по отношенію къ родинѣ, но мнѣ грустно, что я не могу вмѣстѣ съ вами раздѣлить предстоящую опасность. Помни, однако, что у тебя жена и сынъ и слишкомъ не увлекайся боемъ; ты нуженъ, какъ здѣсь, такъ и вездѣ.

Замойская набожно перекрестила мужа и сына и только при послѣднемъ объятіи прослезилась.

— Сражайтесь храбро, — закончила она, — но только слишкомъ не рискуйте. Да хранить и благословить васъ Богъ!

Сказавъ это, благородная женщина упала на колѣни и, склонивъ голову, стала горячо молиться о спасеніи самыхъ дорогихъ для нея въ мірѣ существъ.

Замойскій молча прошелъ къ солдатамъ, которыхъ въ эту минуту настоятель осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ.

Чудное зрѣлище представляло это прощаніе достойныхъ сыновъ родины, происходившее въ тѣсномъ пространствѣ, окруженномъ съ одной стороны бастіонами, съ другой высокимъ землянымъ валомъ.

Чарнецкій съ умиленіемъ смотрѣлъ на нихъ, по его воинственному лицу скатилась крупная слеза. Но вотъ раздался сигналъ и воины двинулись.

Можно себѣ представить въ какомъ безпокойствѣ находились осажденные, въ продолженіе всей этой отчаянной вылазки.

Мужественные защитники Ясной Горы шли помѣряться силами съ непріателемъ, превосходившимъ ихъ въ сто разъ. Настоятель, Замойская, всѣ присутствующіе при выходѣ воиновъ шляхтичи, взшли на башню и съ тревогой слѣдили за всѣми движеніями своихъ близкихъ. Въ церкви, передъ алтаремъ, монахи хоромъ пѣли: «Sub tuum praesidium confugimus» (Подъ Твою защиту прибѣгаемъ).

Тѣмъ временемъ Чарнецкій командовалъ пушкарями, устанавливалъ на лафеты орудія, наводилъ ихъ и жадно слѣдилъ за своими счастливыми товарищами, которымъ, быть можетъ, черезъ нѣсколько минутъ предстояла завидная доля — схватиться грудъ съ грудью съ ненавистнымъ врагомъ.

Поляки, между тѣмъ, во весь духъ бѣжали по дорогѣ между

небольшими холмиками, все чаще и чаще припадая къ землѣ, чтобы не быть замѣченными сосѣдними аванпостами.

Замойскій и его молодой сынъ находились впереди.

Но вотъ уже передъ ихъ глазами валы сѣверо-восточнаго редута, въ амбразурахъ ясно выдѣляются грозныя жерла единороговъ и кулевринъ. Быстро забились сердца у ясногорцевъ, дыханіе спиралось въ груди. Переживаемый моментъ имъ казался вѣчностью. Наконецъ Замойскій сдѣлалъ знакъ и воины, какъ одинъ человекъ, кинулись на валъ. Шведы, находившіеся въ траншеяхъ, не успѣли опомниться, какъ поляки обрушились на нихъ, подобно грозной лавинѣ, и стали рубить ихъ саблями направо и налево; часть ясногорцевъ подъ начальствомъ Замойскаго отдѣлилась и кинулась на непріятелей, занятыхъ подкопомъ. Молодой Замойскій остался въ редутѣ, чтобы заклепать орудія и истребить не успѣвшихъ спастись бѣгствомъ шведовъ.

Раздавшіеся выстрѣлы встревожили весь непріятельскій лагерь, и къ взятому поляками редуту съ разныхъ сторонъ спѣшили конные и пѣшіе отряды.

Между тѣмъ другая часть ясногорцевъ достигла подбоя. Работавшіе здѣсь олькушане упали на колѣни и молили о помилованіи.

— Мы католики, насъ принудили силой работать!—воскликнули они.

— Тогда бить только шведовъ,—приказалъ Замойскій,—а эти наши, они невиновны. Бѣгите домой,—обратился онъ къ олькушанамъ,—и не смѣйте помогать нашимъ врагамъ.

Бѣднымъ людямъ не пришлось повторять приказаніе, они мигомъ разсѣялись во всѣ стороны.

Стоявшихъ здѣсь шведскихъ часовыхъ поляки всѣхъ изрубили, а затѣмъ быстро повернули опять къ редуту.

Въ непріятельскомъ лагерѣ барабаны забили тревогу; ясногорцы должны были торопиться, чтобы во-время отступить къ оборонительной линіи, такъ какъ изъ мѣстечка Ченстохова уже выступалъ кавалерійскій отрядъ и спѣшилъ отрѣзать полякамъ путь къ отступленію.

Ясногорцы быстро двинулись назадъ, но въ это время часть шведскаго авангарда ударила имъ во флангъ и произвела въ

ихъ рядахъ нѣкоторое замѣшательство. Замойскій, не потерявъ присутствія духа, повернулъ отрядъ фронтомъ къ непріятелю, затѣмъ приказалъ солдатамъ немного податься назадъ, мигомъ построилъ карре и ринулся на шведовъ. Натискъ былъ такъ стремителенъ и энергиченъ, что первые ряды авангарда были совершенно смяты и непріатели въ разстройствѣ поспѣшно стали отступать. Вскорѣ это отступление превратилось въ безпорядочное бѣгство. Поляки, упоенные боемъ, точно въ какомъ-то забытіи, погнали шведовъ по направленію къ ихъ лагерю, рубя враговъ саблями и аллебардами. Это было чрезвычайно опасное увлеченіе, въ особенности потому, что уже вдали виднѣлся скачущій кавалерійскій отрядъ.

Замойскій вскорѣ опомнился и повернулъ ясногорцевъ назадъ. Надо было очень спѣшить, такъ какъ непріятельская кавалерія мчалась уже теперь во весь карьеръ и раздались выстрѣлы изъ сосѣдняго редута.

Поляки пошли форсированнымъ маршемъ, а затѣмъ разомкнувъ ряды, бѣгомъ направились къ оборонительной линіи, время отъ времени отстрѣливаясь отъ преслѣдующихъ ихъ по пятамъ шведскихъ аванпостовъ. Къ счастью, черезъ нѣсколько минутъ ясногорцы были уже у самаго крѣпостного вала. Непріятельская кавалерія, уже догонявшая ихъ, была встрѣчена дружнымъ орудійнымъ залпомъ. Двѣ-три гранаты попали въ самый центръ перваго эскадрона и привели шведовъ въ замѣшательство. Слѣдующіе выстрѣлы вызвали панику. Рейтары уже отказались отъ преслѣдованія, и тѣмъ не менѣе, какъ безумные, вертѣлись около вала, не зная что дѣлать, и конечно гибли, поражаемые выстрѣлами осажденныхъ. Изъ непріятельскихъ рядовъ опять доносились знакомые крики: «чары! чары!»

Вылазка оказалась удачною.

Шведы въ первый моментъ ея не могли ни опомниться, ни понять, что случилось, они даже не могли предположить, чтобы осажденные позволили себѣ такую дерзость.

Миллеръ обѣдалъ, когда къ нему явился раненый артиллеристъ. Увидѣвъ его въ такомъ видѣ, генералъ вскочилъ со стула и съ тревогой спросилъ:

— Что случилось?

— Гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, поляки напали на одинъ

изъ нашихъ редутовъ, изрубили артиллеристовъ, заклепали орудія и разогнали рабочихъ, подводившихъ мину.

Всѣ присутствовавшіе остолбенѣли.

— Днемъ! напали на насъ? Это быть не можетъ! Вы обезумѣли!—крикнулъ Миллеръ, блуждающимъ взоромъ глядя на окружающихъ.

Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, вышли изъ шатра и сѣли на коней. Генераль тоже приказалъ подать себѣ лошадь, и въ сопровожденіи старшихъ офицеровъ поскакалъ къ злополучному редуту. Здѣсь только остались слѣды побѣдоноснаго нападенія Замойскаго. Два большихъ орудія были совершенно заклепаны и болѣе не годились къ употребленію; мушкеты, стоявшіе въ козлахъ, были унесены ясногорцами; веюду были убитые и раненые. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ производился подкопъ вся стража была изрублена, а олькушанъ и слѣдъ простылъ.

Миллеръ точно потерялъ способность говорить, ѣздилъ, смотрѣлъ, глазамъ не вѣрилъ, и наконецъ молча направился къ своему шатру, который находился недалеко отъ крѣпости и отчасти былъ закрытъ маленькимъ холмикомъ.

Во время вылазки Замойскій подробно осмотрѣлъ эту часть непріятельской позиціи и между прочимъ расположеніе генеральской ставки. Войдя въ укрѣпленіе, онъ, не снимая ни доспѣховъ, ни шлема, прямо направился къ Чарнецкому.

— Другъ мой, — обратился онъ къ шляхтичу, — вы видите этотъ маленькій холмикъ, вонъ тамъ?

— Вижу... А что такое?—спросилъ Чарнецкій.

— Тамъ развѣвается знамя и стоитъ шатеръ Миллера; не дурно было-бы пожелать ему добраго вечера и послать въ подарокъ нѣсколько ядеръ.

— Вы правы, совершенно правы.

Немедленно позвали пушкарей и стали наводить орудія.

Въ это самое время генераль вернулся въ шатеръ и, охваченный какимъ-то желаніемъ забыться, созвалъ гостей и приказалъ подать вина.

Началась сильная попойка, слышались веселыя восклицанія, смѣхъ и шутки. Миллеръ поднималъ бокалъ съ виномъ и громко проговорилъ:

— Господа, сегодня осажденные позволили себѣ страшную дерзость, но это ребячество и ни къ чему хорошему ихъ не приведетъ. Участь монаховъ и ихъ смѣлыхъ защитниковъ рѣшена. Я со дня на день ожидаю отъ Виттемберга новыхъ запасовъ пороха и оружія. Мы раньше или позже уничтожимъ этихъ чародѣевъ, и горе имъ! Пью за здоровье короля Карла-Густава и за предстоящее взятіе Ясной Горы!

Всѣ подняли вверхъ бокалы съ виномъ, слышались громкія восклицанія «Vivat»!

Внезапно, точно въ отвѣтъ этимъ крикамъ, со стороны Ясной Горы грянулъ выстрѣлъ и въ ту же минуту шатеръ наклонился въ сторону и упалъ на все собравшееся общество. Пушечное ядро попало въ одинъ изъ угловъ шатра.

Паническій ужасъ овладѣлъ присутствующими, всѣ вмѣстѣ съ хозяиномъ бросили бокалы, кой-какъ вылѣзли изъ-подъ лежавшаго на нихъ полотна и чуть не бѣгомъ направились къ мѣстечку.

Миллеръ, точно безумный, проклиналъ все и всѣхъ.

Зброжекъ и Комаровскій, присутствовавшіе на ужинѣ, хотя тоже въ первую минуту испугались, однако, отъ души смѣялись надъ переполошившимися шведами и ихъ поспѣшнымъ бѣгствомъ. Почтенные полковники опомнились только шагахъ въ двухстахъ отъ злополучнаго шатра.

Генералъ блѣдный, разъяренный, молчалъ и кусалъ губы.

Послѣдніе дни произвели на все шведское войско чрезвычайно удручающее впечатлѣніе. Солдаты, изнуренные продолжительной осадой, постоянными неудачами, холодами, угнетаемые мыслью о какомъ-то нечеловѣческомъ могуществѣ ясногорскихъ защитниковъ, усомнились въ себѣ и все чаще и чаще жаловались. Измученные всякими лишеніями, доведенные до отчаянія, шведы съ какимъ-то дурнымъ предчувствіемъ глядѣли на убитыхъ во время вылазки поляковъ, своихъ товарищей, какъ бы говоря:

— Такая участь здѣсь постигнетъ насъ всѣхъ!

Офицеры, потерявъ во время сраженій очень многихъ изъ своихъ храбрыхъ товарищей, теряли бодрость и охоту продолжать бесполезное кровопролитіе. Словомъ, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали момента, когда имъ позволятъ отступить и даже не

скрывали своего желанія, такъ какъ взятіе Ясной Горы, защищаемой какими-то непонятными, таинственными силами, имъ казалось положительно невозможнымъ. Въ шатрахъ сыновъ негостепріимнаго сѣвера—финновъ только и говорили, что о чарахъ монаховъ, обладающихъ, по мнѣнію испуганныхъ солдатъ, даромъ являться въ самыхъ фантастическихъ образахъ. Въ сраженіе ихъ приходилось гнать чуть-ли не силою, а теперь, послѣ вылазки, вѣра въ чары ясногорцевъ еще болѣе усилилась, и войны стали явно роптать на то, что ихъ насильно ведутъ въ бой съ какими-то волшебниками или чернокнижниками и какъ бы умышленно хотятъ погубить. Узнавъ о происходящемъ въ войскѣ броженіи, Миллеръ дня на два прекратилъ штурмы. Между прочимъ, причиною такого распоряженія былъ все болѣе и болѣе ощущаемый недостатокъ въ порохѣ, истреблявшійся въ громадномъ количествѣ присланными изъ главнаго экспедиціоннаго корпуса единорогами и кулевринами. Приходилось экономничать и ждать отъ Виттемберга обѣщанныхъ новыхъ боевыхъ припасовъ. Положеніе шведовъ, несмотря на громадное превосходство ихъ силъ, было очень непріятное. Захваченный ими съ собою провіантъ изсякъ, все, что можно было взять въ окрестныхъ деревняхъ съ помощью реквизицій, было взято, и прокормить значительное количество солдатъ съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе. Ко всему этому прибавились еще морозы, вызвавшіе въ нѣкоторыхъ частяхъ серьезныя и довольно частыя заболѣванія.

Вопросъ заключался въ томъ, подъ какимъ благовиднымъ предлогомъ отступить и отступить если не съ честью, то все же безъ особеннаго стыда. Миллеръ до сихъ поръ не допускалъ возможности отступленія, хотя многіе знали, что этимъ непременно кончится.

Даже Вейгардъ, запершись въ своемъ шатрѣ, былъ въ очень угнетенномъ настроеніи духа, точно его мучили укоры совѣсти.

На послѣднемъ военномъ совѣтѣ князь Гесскій, Садовскій и нѣкоторые поляки прямо сказали Миллеру, что слѣдовало-бы оставить въ покоѣ Ясную Гору и отступить, но шведъ грозно поглядѣлъ на нихъ и воскликнулъ:

— Нѣтъ! никогда! Мы не отступимъ съ позоромъ! Лишь

только мнѣ доставать необходимые боевые припасы, я самъ поведу на штурмъ, возьму заколдованный замокъ проклятыхъ черноокнижниковъ, я долженъ его взять и уничтожить!

Всѣ присутствующіе умолкли и вскорѣ разошлись.

XXIV.

Слѣдующіе два дня прошли спокойно, генераль пожелалъ дать отдыхъ измученнымъ солдатамъ и укрѣпить ихъ силы для новыхъ предстоящихъ трудовъ. Монастырь энергично готовился къ оборонѣ. Послѣдніе успѣхи чрезвычайно ободрили его защитниковъ и они съ замѣчательнымъ усердіемъ трудились надъ укрѣпленіемъ стѣнъ, валовъ и бастіоновъ.

Теперь уже многіе изъ осажденныхъ надѣялись, что имъ удастся отразить непріятелей, которыхъ притомъ наступившіе сильные холода скоро могли поставить въ очень неудобное положеніе. Кордецкій былъ почти увѣренъ, что шведамъ не посчастливится, и они отступятъ.

Вечеромъ на слѣдующій день послѣ вылазки (это было 21-го декабря) въ монастырь явилась Констанція и поспѣшила къ настоятелю, который въ эту минуту былъ окруженъ монахами и совѣщался съ ними относительно провіанта, недостатокъ котораго становился все болѣе ощутительнымъ.

— Отче,—проговорила она, взявъ его за полу плаща,—прикажете слѣдить за женой господина Плаза, она въ какихъ-то отношеніяхъ съ Кшиштопорскимъ и навѣрно знаетъ что случилось съ той дѣвочкой.

— Хорошо, хорошо, моя старушка; но теперь у насъ есть дѣло поважнѣе,—сказалъ настоятель,—если только она украдена и спрятана, такъ мы найдемъ бѣдняжку, но сегодня намъ некогда объ этомъ думать.

— Но вѣдь бѣдняжка страдаетъ!—воскликнула Констанція.

— Да, но это только подозрѣніе, а тутъ нужны доказательства; шляхтичи и такъ уже нами недовольны за то, что мы не сдаемся, а потому не надо ихъ слишкомъ раздражать... Дастъ Богъ все это окончится, начнутъ разѣзжаться, и мы тогда прослѣдимъ за тѣмъ, чтобы ее не увезли.

Констанція ничего не отвѣтила, покачала головой и отпра-вилась къ Кшиштопорскому; но чуть только она сѣла на сту-пени и насмѣшливо крикнула ему: «Добрый вечеръ, Николай», какъ шляхтичъ моментально скрылся.

Старуха усмѣхнулась.

— Трусъ, убѣжалъ, — прошептала она и удалилась. Не было угла въ монастырѣ, котораго Констанція не осмотрѣла-бы подѣ какимъ-нибудь предлогомъ; она долго стояла подѣ окномъ квар-тиры Плазы, подслушивая разговоръ и наконецъ пошла къ Замойскимъ. Увидѣвъ самого Замойскаго, Констанція хотѣла, удалиться, но тотъ, узнавъ ее, воскликнулъ:

— Ахъ! это ты моя старушка! Хорошо, что ты пришла, я давно хотѣлъ тебѣ кое-что дать, такъ какъ ты вѣрная и честная слуга Пресвятой Дѣвы; мы много тебѣ обязаны, твоей отвагѣ можетъ позавидовать любой воинъ. Подожди немного...

— Благодарю васъ, благодарю! Я не нуждаюсь въ мило-стынѣ, ѣсть мнѣ даютъ въ монастырѣ, такъ зачѣмъ мнѣ деньги? Дайте бѣднѣйшимъ, дайте тѣмъ, которые любятъ деньги, хотя сами не знаютъ, зачѣмъ имъ онѣ. Служа Пресвятой Дѣвѣ, я богаче королей и магнатовъ. Замужъ выходить не думаю, развѣ встрѣтилось бы что нибудь особенное, напримѣръ, ханъ татар-скій или королевичъ китайскій, а изъ-за этой голытьбы сена-торовъ или гетмановъ не стоитъ оставлять такую службу.

Замойскій улыбнулся.

— Кто ты такая? — спросилъ онъ.

— Вотъ что захотѣли узнать, — отвѣтила Констанція съ какимъ-то страннымъ смѣхомъ, — я не помню гдѣ и когда ро-дилась, молодость свою хотѣла бы забыть и говорить о ней не стоитъ, зрѣлые года незамѣтно прошли, а подѣ старость я на-шла такое хорошее мѣсто на церковной паперти, что лучшаго не найти, развѣ на кладбищѣ...

— Развѣ у тебя нѣтъ знакомыхъ или родственникововъ, которые пріютили-бы тебя?

— Зачѣмъ они мнѣ? Развѣ вы думаете, что положеніе мое такъ плохо? Если ужъ пользоваться милостью, такъ только милостью Божьей; впрочемъ, конецъ уже, вѣроятно, не далекъ, а моя служба у Пресвятой Дѣвы хороша, и вы сами видите, что я бодра и весела.

Сказавъ это, старая Констанція какъ-то неестественно за-
смѣялась, и, кивнувъ головой Замойскому, быстро исчезла.

XXV.

Два дня ничѣмъ непрерываемой тишины показались очень
долгими осажденнымъ. Неизвѣстность и ожиданіе подчасъ
тягостнѣе самой страшной опасности. Болѣе робкимъ каждую
минуту казалось, что вотъ-вотъ они взлетятъ на воздухъ; они
опасались, какъ-бы въ монастырѣ не завелись измѣнники и не
открыли-бы шведамъ воротъ.

Настоятель и другіе начальники понимали, что непріатели
не безъ цѣли заключили перемиріе, что они, вѣроятно, ощу-
щаютъ въ чемъ нибудь недостатокъ, и лишь только встрѣтив-
шіяся затрудненія будутъ устранены, какъ тотчасъ возобно-
вятся военныя дѣйствія. Между тѣмъ, у осажденныхъ быстро
исчезали запасы провіанта. Монахамъ привыкшимъ постничать,
легче было переносить такого рода лишеніе и они вполне до-
вольствовались сушеной рыбой, небольшимъ количествомъ ово-
щей и кускомъ чернаго хлѣба, такъ какъ все это очень часто
было для нихъ обыкновенной пищей и въ другое время. Кор-
децкій сознавалъ, что войнамъ гораздо труднѣе будетъ пере-
носить недостатокъ въ пищѣ, чѣмъ монахамъ, и потому
съ безпокойствомъ все чаще и чаще заходилъ въ погреба, гдѣ
хранились жизненные припасы, обстоятельно разсчитывая каж-
дый продуктъ въ отдѣльности, на долго-ли можетъ его хватить.

Несмотря на всѣ трудности, какія ему приходилось пере-
носить съ начала осады, несмотря на всякіе хлопоты и безпо-
койства, онъ ни на минуту не терялъ ни мужества, ни твер-
дости. Кордецкого ничто не могло поколебать, ни устрашить, со-
мнѣніе ни разу не коснулось его и глубокая вѣра всегда яр-
кимъ пламенемъ горѣла въ его возвышенной душѣ. Въ этомъ
отношеніи никто не могъ сравниться съ Кордецкимъ. Даже
самые мужественные и храбрые изъ ясногорскихъ защитниковъ
минутами поддавались слабости и сомнѣнію, настоятель-же—
никогда. Вездѣ и всегда Кордецкого спасала эта необыкновен-
ная вѣра, охватывавшая все его существо.

Среди осажденныхъ отличались особенной стойкостью и неустрашимостью Замойскій и Чарнецкій. Это были въ полномъ смыслѣ слова рыцари безъ страха и упрека. Настоящее пребываніе въ Ченстоховѣ дало имъ возможность выказать во всемъ блескѣ ихъ гражданскіе и военные доблести. Кордецкій и эти благородные воины, точно добрые гении, охраняли Ясную Гору, посвящая оборонѣ ея всѣ свои духовныя и физическія силы. Они являлись той животворящей силой, которая творить чудеса, электризуетъ даже самую инертную въ обыкновенное время толпу и воспламеняетъ ее къ великимъ подвигамъ самоотверженія. Настоятель, кромѣ того, поражалъ окружающихъ своимъ величавымъ спокойствіемъ и чисто христіанской любовью къ людямъ. Чувства гнѣва онъ не зналъ, оно въ немъ замѣнялось состраданіемъ. Въ довершеніе всего, Кордецкій неутомимо трудился съ утра до ночи, помогая людямъ, насколько было возможно, утѣшая ихъ и поддерживая во всѣхъ горестяхъ и печаляхъ.

На третій день съ начала перемирія, вечеромъ, настоятель спокойно молился въ своей кельѣ, какъ вдругъ раскрылась дверь, и въ келью поспѣшно вошло нѣсколько шляхтичей.

— Что случилось?— спросилъ Кордецкій.

— Отче, дѣло неладно!—воскликнули они, — къ шведамъ снова идутъ подкрѣпленія и цѣлый транспортъ боевыхъ припасовъ.

— Ну, это не бѣда, — съ улыбкой замѣтилъ настоятель. — А не видали-ли вы, не летятъ-ли къ нимъ на помощь легіоны ангеловъ и херувимовъ?

Прибывшіе были совершенно озадачены такимъ вопросомъ.

— Все это человѣческія силы, — закончилъ онъ, — а вы, кажется, имѣли время убѣдиться, что ихъ мы не боимся.

Слова его, однако, не успокоили шляхтичей, и они съ нѣкоторымъ смущеніемъ стали просить Кордецкаго войти съ неприятелемъ въ переговоры. Онъ холодно взглянулъ на нихъ и молча вышелъ изъ кельи. Оробѣвшіе шляхтичи послѣдовали за настоятелемъ во дворъ, не давая ему покоя и уговаривая его согласиться, но, къ счастью, эту сцену во-время увидѣлъ Замойскій и безъ церемоніи отогналъ ихъ прочь.

Дѣйствительно, по дорогѣ изъ Кракова длинной вереницей

тянулись большіе нагруженные вozy. Чарнецкій первый замѣтилъ ихъ и хотѣлъ открыть огонь, съ цѣлью уничтожить хотя часть боевыхъ припасовъ, но, къ сожалѣнію, прежде, чѣмъ подошли они на пушечный выстрѣлъ, сдѣлалось совершенно темно и пальба оказалась бесполезной.

Кордецкій съ высоты башни долго смотрѣлъ на непріятельскій лагерь, какъ вдругъ почти у самыхъ стѣнъ замѣтилъ подкрадывающагося къ нимъ шведскаго солдата. Настоятель сталъ внимательно слѣдить за всѣми его движеніями. Но каково-же было удивленіе Кордецкаго, когда, присмотрѣвшись лучше, онъ узналъ въ этомъ якобы шведскомъ солдатѣ предприимчиваго Яцка Бжуханскаго. Почтенный мѣщанинъ, несмотря на то, что разъ уже попалъ въ руки шведовъ и еле изъ нихъ ускользнулъ, какъ ни въ чемъ не бывало притащилъ теперь въ мѣшкѣ рыбу, вынулъ изъ-подъ полы лукъ, натянулъ тетиву и пустилъ въ монастырь стрѣлу, обернутую въ какую-то бумагу.

Но, увы, Бжуханскому не посчастливилось и въ этотъ разъ. Лукъ его погубилъ, потому что у шведовъ не было такого оружія, и они, тотчасъ узнавъ въ немъ шпіона, въ ту же минуту окружили его. Кордецкій до такой степени былъ подавленъ случившимся на его глазахъ несчастьемъ съ вѣрнымъ и преданнымъ человѣкомъ, что долго не могъ опомниться, точно не рѣшаясь прикоснуться къ лежавшему у его ногъ письму.

— Да хранить его Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ онъ.— Неужели ему придется пасть жертвой своего благороднаго рвенія въ защитѣ нашей обители? Горе бѣдняку, если его приведутъ къ генералу.

— Дѣлать нечего, —сказалъ Замойскій,—а намъ, вѣроятно заранѣе можно пропѣть за честнаго Бжуханскаго Requiem.

— Нѣтъ, не говорите этого!—съ твердостью возразилъ Кордецкій.—Если Миллеръ потребуеъ, мы дадимъ за него выкупъ; нельзя оставлять на произволъ судьбы вѣрныхъ и честныхъ людей, подвергающихъ себя опасности ради нашего монастыря; шведа можно будетъ соблазнить деньгами, онъ предпочтетъ серебро жизни одного человѣка.

Въ письмѣ, подкинутомъ Бжуханскимъ, заключались неутѣшительныя вѣсти. Въ немъ сообщалось, что шведы готовятся къ новому нападенію, что изъ всѣхъ окрестныхъ дере-

вень и мѣстечка привезенъ необходимый матерьялъ для постройки стѣнобитныхъ машинъ и штурмовыхъ лѣстницъ; кроме того, заготовлено масса артиллерійскихъ снарядовъ, какъ-то: ядеръ, бомбъ и гранатъ.

Хотя доставленное письмо было прочитано вполголоса, тѣмъ не менѣе, очевидно, кто-то подслушавъ, и вскорѣ его содержаніе было извѣстно какъ шляхтичамъ, такъ и монахамъ. Не успѣлъ настоятель войти въ свою келью, какъ къ нему снова явились нѣкоторые изъ осажденныхъ съ блѣдными, встревоженными лицами. Онъ уже зналъ заранѣе, съ какою цѣлью они пришли, терпѣливо выслушалъ приведенные ими доводы и окинулъ ихъ недовольнымъ взглядомъ.

— Отвѣтъ мой будетъ все-тотъ-же, — рѣшительно проговорилъ Кордецкій, — и потому, всѣ ваши уговоры будутъ напрасны; монастыря я не отдамъ шведамъ; затѣмъ, имѣйте въ виду, что насколько вы малодушны, настолько я твердъ и непреклоненъ.

— Но подобаетъ-ли намъ, — прервалъ священникъ Блѣшинскій, — людямъ духовнымъ, отрекшимся отъ міра, сражаться и проливать кровь? Вѣдь у насъ скоро не хватитъ провіанта, такъ не лучше-ли заранѣе...

— Отецъ Матвій! — воскликнулъ настоятель, — вы дали клятву въ послушаніи или нѣтъ?

— Далъ и всегда буду свято ее соблюдать, — съ покорностью отвѣтилъ монахъ.

— Въ такомъ случаѣ, предоставьте заботы и отвѣтственность за все мнѣ и исполняйте безпрекословно то, что я вамъ, на основаніи данной мнѣ власти, прикажу. Надѣюсь, вы поняли? добавилъ онъ, обращаясь уже ко всѣмъ присутствующимъ.

Монахи низко поклонились и, ни слова не говоря, тихо одинъ за другимъ, удалились.

Оставались шляхтичи.

— Что-же касается васъ, господа — замѣтилъ Кордецкій — то предупреждаю, что тщетны будутъ всѣ ваши просьбы, угрозы и даже крики. Я конечно, помолюсь, что-бы на васъ снизошелъ Святой Духъ и вдохновилъ мужествомъ, но тѣмъ не менѣе мое рѣшеніе продолжать во что-бы то ни стало оборону, остается неизмѣннымъ.

Напрасно шляхтичи пытались наставить, онъ былъ не-

преклоненъ и, махнувъ на нихъ рукой, началъ разбирать на столѣ свои бумаги. Тѣ, увидѣвъ, что монахъ не хочетъ даже съ ними разговаривать, понутивъ головы съ ропотомъ вышли. Послѣ ихъ ухода, Кордецкій призвалъ къ себѣ брата Павла.

— Братъ мой,—обратился онъ къ вошедшему,—тамъ гдѣ-то около стѣнъ, вѣроятно, недалеко отъ потайной двери должно быть по своему обыкновенію сидитъ Констанція, такъ вотъ вы позовите ее ко мнѣ; я хочу отправить ее посломъ въ непріятельскій лагерь, потому что шведы не задержатъ старуху и не причинятъ ей ничего дурного.

— Да она здѣсь въ монастырѣ!—сказалъ братъ Павелъ.

— Въ такомъ случаѣ пришлите ее въ *definitorium*, я сейчасъ тамъ буду.

Настоятель поспѣшилъ въ указанную залу, и вскорѣ туда явилась Констанція.

— Какое счастье, отче,—проговорила она,—что вамъ понадобилась слуга Пресвятой Дѣвы.

— Ты могла бы мнѣ оказать большую услугу,—началъ Кордецкій,—но прежде всего я долженъ знать, не боишься ли ты отправиться въ шведскій лагерь?

— Я?—засмѣялась Констанція,—спросите-ка лучше, ваше высокопреподобіе, сколько разъ я тамъ была?

— Тѣмъ лучше! Дѣло, видишь-ли, вотъ въ чемъ. Шведы второй уже разъ поймали Бжуханскаго въ тотъ моментъ, когда бѣдняга передавалъ намъ письмо. Человѣкъ онъ добрый, честный, ему надо сказать, чтобы онъ предложилъ шведамъ выкупъ, а я доставлю деньги. Только спѣши, моя старушка, не то его могутъ повѣсить.

— Мигомъ справлюсь, отче, мигомъ. Вотъ увидите!—сказала она, собираясь уже уходить.

— Переговорить со шведами попросишь кого-нибудь изъ польскихъ воиновъ,—добавилъ Кордецкій.

— Зачѣмъ?—спросила Констанція.

— А какже ты будешь съ ними разговаривать, когда не знаешь шведскаго языка?

— Не беспокойтесь, въ шведскомъ войскѣ много нѣмцевъ, а я по-нѣмецки говорю.

Священникъ удивился, но не успѣлъ онъ заикнуться объ этомъ, какъ старушка исчезла.

Миновавъ лежавшіе недалеко отъ укрѣпленія трупы павшихъ, она кое-какъ пробралась къ шведскому лагерю. Многие солдаты знали ее, и, считая безумной, не задерживали, хоча надъ ея странными ужимками и выходками.

Констанція, точно инстинктивно направилась туда, гдѣ, окруженный шведскими офицерами, стоялъ бѣдный Бжуханскій, съ минуты на минуту ожидая своей смерти. Онъ былъ страшно блѣденъ, хотя не такъ боялся смерти, какъ того, что придется умереть безъ послѣдней исповѣди, и тихимъ голосомъ просилъ стоящихъ возлѣ него поляковъ пригласить къ нему католическаго священника. Недалеко виднѣлась висѣлица, а возлѣ судей стояли жаровня съ раскаленными углями, клещи и другія приспособленія къ пыткѣ, на случай, если бы обвиняемый не пожелалъ сознаться и открыть тайну. Бжуханскій, видя что спасенія нѣтъ, какъ бы примирился съ своей участью и рѣшился встрѣтить смерть мужественно.

— Зачѣмъ ты ходилъ въ монастырь? — спросили его судьи.

— Затѣмъ, чтобы сообщить осажденнымъ, — смѣло отвѣтилъ онъ, — о прибытіи къ вамъ транспорта съ боевыми припасами и вашихъ приготовленій къ штурму.

— Это измѣна! — сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Не совсѣмъ измѣна! — возразилъ живописецъ. — Монахи наши отцы и благодѣтели, а Пресвятая Дѣва наша покровительница и заступница; вотъ если бы я этого не сдѣлалъ, тогда бы былъ измѣнникомъ...

— Въ чемъ еще сознаешься?

— Болѣе ни въ чемъ.

— Этого быть не можетъ: говори, въ противномъ случаѣ тебя ожидаетъ пытка.

Бжуханскій взглянулъ на ужасныя приготовленія, пожалъ плечами и умолкъ. Къ нему подошли палачи, сняли съ него верхнее платье и начали хлестать прутьями; живописецъ время отъ времени стоналъ и молился, но не проронилъ ни слова.

Наконецъ палачи пріостановились и собирались уже положить несчастнаго на раскаленные уголья, какъ вдругъ поляки

и тотъ шведъ, котораго Бжуханскій часто угощалъ медомъ, стали просить офицера прекратить мученія.

— Знайте, — отвѣтилъ офицеръ, — что живописецъ уже приговоренъ къ смерти.

Въ эту минуту къ осужденному приблизилась Констанція, обняла его и прошептала на ухо, чтобы онъ предложилъ шведамъ выкупъ, такъ какъ настоятель хочетъ его спасти и пришлетъ деньги.

Нѣкоторые шведы присоединились къ полякамъ и настаивали на прекращеніи пытки.

Произошелъ споръ, но въ концѣ концовъ рѣшено было прекратить пытку и вести живописца на висѣлицу.

— Послушайте, — крикнулъ Бжуханскій, — когда на него уже накинута петля, — я дамъ за себя выкупъ, повремените, дамъ все, что у меня есть.

Шведы, услышавъ про выкупъ, тотчасъ остановились и послали доложить объ этомъ своему главному начальнику. Черезъ нѣсколько минутъ къ висѣлицѣ подъѣхалъ гонецъ и передалъ приказаніе немедленно вести осужденнаго къ генералу.

Миллеръ сидѣлъ передъ шатромъ, тутъ же противъ него на столбѣ горѣли факелы и освѣщали эту ночную сцену. Бжуханскій шелъ съ петлей на шеѣ, окруженный шведскими солдатами. Натура его была довольно странная. То былъ онъ робокъ, какъ ребенокъ, то, наоборотъ, въ инныя минуты становился смѣлъ до дерзости.

И вотъ теперь, передъ лицомъ смерти, онъ оказался такимъ же, какъ всегда.

— Кто ты такой? — грозно спросилъ Миллеръ.

— Мѣщанинъ, живописецъ, — отвѣтилъ Бжуханскій, дрожа отъ волненія.

— Измѣнникъ! — воскликнулъ генералъ.

— Нѣтъ, генералъ, — смѣло возразилъ осужденный, — я служилъ монахамъ, такъ какъ обязанъ имъ служить.

— Ты обязанъ служить своему королю Карлу-Густаву, а не имъ.

— Развѣ онъ мой король? — спросилъ Бжуханскій.

— Повѣситъ его! — крикнулъ Миллеръ.

— Ваше превосходительство, я дамъ выкупъ, — сказалъ живописецъ.

— Что же ты мнѣ дашь? Развѣ какой-нибудь талеръ, потому что твоя жизнь не стоитъ больше.

— Сто талеровъ, генералъ.

Миллеръ на минуту задумался.

— Вотъ какъ... сто талеровъ... — медленно проговорилъ онъ, — а потомъ ты снова будешь безобразничать... Нѣтъ! не согласенъ! повѣсить бездѣльника!

— Сто пятьдесятъ! — еще смѣлѣе сказалъ Бжуханскій, замѣтивъ, что шведъ колеблется.

— Давай двѣсти — и чортъ съ тобой! — гаркнулъ Миллеръ, — а не то сейчасъ на висѣлицу!

— У меня нѣтъ такой суммы, — отвѣтилъ живописецъ, — воля ваша.

— Ну что-же, даешь двѣсти?

— Нѣтъ.

— Не дашь?

— Не могу.

— Гдѣ талеры?

— Въ монастырѣ.

— Ага! почему-же не у тебя дома?

— Да потому, — наивно отвѣтилъ Бжуханскій, — что если бы они были при мнѣ, такъ вы-бы давно уже ихъ забрали.

Миллеръ нагло расхохотался.

— Прикажите меня отвести въ монастырь, тамъ мнѣ выдадутъ деньги и я заплачу.

— Бестія! не глупъ! — проговорилъ генералъ. — Твое счастье, что ты и подобные тебѣ для меня не имѣютъ никакого значенія; ступай въ монастырь и скажи, что я скоро къ нимъ самъ приду, пусть ждутъ!

Бжуханскій тотчасъ хотѣлъ снять съ себя петлю.

— Нѣтъ! — крикнулъ генералъ, — вести его съ петлей на шеѣ черезъ весь лагерь, да, кромѣ того, снять съ него шведскій мундиръ, котораго онъ недостойнъ носить, пусть идетъ голый.

Приказъ былъ немедленно исполненъ. Обрадованная Констанція побѣжала впередъ, и прежде чѣмъ Бжуханскій, конвоируемый взводомъ солдатъ, приплелся въ монастырь, тамъ уже

у воротъ ждали его монахи съ деньгами, которыя и были переданы доставившимъ несчастнаго живописца шведамъ.

Братъ Павелъ прикрывъ его какой-то рясой, и Бжуханскій съ петлей на шеѣ прямо направился въ часовню Пресвятой Дѣвы, со слезами на глазахъ упалъ на колѣни предъ алтаремъ и долго горячо молился. Изъ часовни братъ Павелъ проводилъ живописца въ одну изъ келій, гдѣ онъ тотчасъ былъ окруженъ массою любопытныхъ.

Бжуханскій сообщилъ подробныя свѣдѣнія о приготовленіяхъ шведовъ къ новому нападенію и вмѣстѣ съ тѣмъ упорныя слухи о томъ, что многочисленные отряды татаръ идутъ на помощь Яну Казимиру, который уже выступилъ имъ навстрѣчу и находится теперь въ Живцѣ. Надежда на подкрѣпленіе оживила осажденныхъ, хотя, къ сожалѣнію, не всѣхъ; нашлись между ними такіе, что не придали особеннаго значенія сообщенному извѣстію и по прежнему своимъ нѣтъемъ стали удручающимъ образомъ дѣйствовать на окружающихъ. Въ концѣ концовъ настоятель грозно на нихъ прикрикнулъ и категорически заявилъ, что о капитуляціи не можетъ быть и рѣчи.

На слѣдующій день предвѣщаніе относительно штурма отчасти сбылось. Шведы одновременно открыли огонь изъ всѣхъ редутовъ, но канонада не причинила особеннаго вреда осажденнымъ, такъ какъ стрѣльбѣ препятствовалъ сильный морозъ. Ясногорцы бодро держались въ укрѣпленіи, энергично отвѣчали на непріятельскій огонь и ждали штурма. Но дождаться его въ этотъ день не пришлось, такъ какъ не удалось ни сдѣлать пролома, ни подвести мины; непріятельскіе солдаты неохотно шли въ бой, дѣйствовали вяло, и все это бросалось въ глаза даже самимъ осажденнымъ.

Около полудня бомбардировка прекратилась и вскорѣ къ монастырю подъѣхалъ шведскій трубачъ и передалъ письмо отъ генерала, который опять настаивалъ на сдачѣ. Между прочимъ въ письмѣ заключалось слѣдующее:

«Несмотря на то, что мы дѣйствовали отъ имени могущественнѣйшаго и всемилостивѣйшаго короля шведскаго, несмотря на то, что мы относились къ вамъ мягко, снисходительно, только изрѣдка да и то по необходимости сурово, въ надеждѣ, войти съ вами въ дружеское соглашеніе, невзирая на то, что

вы обманули наши надежды, мы еще разъ желаемъ войти въ переговоры, чтобы дать вамъ возможность исполнить ясно выраженную волю нашего великаго милостиваго короля. Вы не сознаете истиннаго положенія дѣлъ въ странѣ и играете въ очень опасную игру, которая можетъ стоить жизни и потери всего, что вамъ должно быть дорого и свято. На основаніи королевскаго указа я долженъ занять своимъ гарнизономъ Ясную Гору, и всѣ ваши противодѣйствія окажутся тщетными и даже гибельными. Мины проложены къ самой стѣнѣ, два дня тому назадъ намъ доставлены огромные боевые припасы, все готово къ штурму, къ разрушенію, къ полному уничтоженію вашего древняго монастыря, а потому берегитесь...»

Все письмо мѣстами имѣло характеръ то угрозы, то увѣщанія, то дружескаго совѣта, и написано было въ хорошемъ стилѣ; въ концѣ Миллеръ какъ-бы умывалъ руки, заявляя, что если монастырь будетъ разрушенъ, то не онъ будетъ виновать.

При чтеніи этого письма въ залѣ были почти всѣ шляхтичи, исключая Чарнецкаго и Замойскаго, для которыхъ оно не представляло особеннаго интереса. Присутствующіе внимательно слѣдили за выраженіемъ лица настоятеля, желая узнать произведенное на него полученнымъ письмомъ впечатлѣніе, но Кордецкій былъ совершенно спокоенъ.

Въ *definitorium* поднялся шумъ, нѣкоторые шляхтичи снова заплѣли старую пѣсенку:

— Надо сдаться, надо скорѣе сдаться!

Настоятель взглянулъ на нихъ съ улыбкой сожалѣнія.

— Слабые, жалкіе, малодушные люди!—воскликнулъ онъ, — какъ вамъ тяжело исполнять свой священный долгъ! Неужели все то, что я вамъ говорилъ за время осады, пропало даромъ? неужели мои слова, вырывавшіяся изъ глубины души, для васъ только были однимъ лишь пустымъ звукомъ?.. Ну, хорошо, мы начнемъ переговоры хотя-бы для того, чтобы провести въ мирѣ и молитвѣ наступающіе праздники; успокойтесь, я завтра пошлю отвѣтъ генералу Миллеру.

Послѣднюю фразу Кордецкій произнесъ съ такою горечью, что даже самые равнодушные устыдились своей непростительной слабости.

На слѣдующій день былъ канунъ Рождества Христова. Настоятель съ утра засѣлъ писать отвѣтъ шведскому генералу. Настоящее письмо его было, какъ всегда, написано въ умѣренномъ, спокойномъ тонѣ и отличалось большимъ знаніемъ человѣческаго сердца, твердостью и остроуміемъ.

«Мы сознаемъ, — писалъ онъ Миллеру, — что вы поступали съ нами снисходительно и неоднократно съ большимъ терпѣніемъ ждали переговоровъ съ нами, но если-бы мы даже оказались виновными въ противодѣйствіи волѣ шведскаго короля, то причиной этому является не что иное, какъ боязнь лишиться дарованныхъ намъ правъ и привелегій. Теперь же, благодаря ласковому напоминанію, мы вполне оцѣнили ваше доброе отношеніе къ намъ и охотно безотлагательно приступили-бы къ любезно предложеннымъ вами переговорамъ, если бы этому не препятствовалъ-бы наступающій праздникъ Рождества Христова. Въ виду столь уважительной причины мы покорнѣйше просимъ ваше превосходительство не отказать намъ въ кратковременномъ перемиріи, каковымъ мы между прочимъ воспользуемся, конечно, съ вашего разрѣшенія, для того, чтобы обо всемъ увѣдомить нашу высшую духовную власть и получить отъ нея необходимыя полномочія для благополучнаго окончанія желанныхъ переговоровъ»....

— А дальше что? — спросилъ присутствующій при составленіи отвѣта Замойскій. — Неужели вы дадите ему обѣщаніе сдать монастырь?

— О, нѣтъ! — отвѣтилъ настоятель, — слушайте-ка дальше: «все, что будетъ необходимо, мы исполнимъ». Ясное дѣло, что намъ потомъ необходимо будетъ защищаться и мы конечно такъ и сдѣлаемъ.

— Нѣтъ! это напрасно, — прервалъ Чарнецкій. — Шведа вы уже не поймаете, онъ теперь сразу узнаетъ, чѣмъ пахнетъ, и даже не подумаетъ, что мы намѣрены сдаться.

— Попытаемся! Выгодать нѣсколько дней отдыха вовсе не помѣшаетъ, — сказалъ Замойскій, — не повредило-бы также отправить самое любезное письмо къ Вейгарду, чтобы онъ

похлопоталъ о насъ у своего генерала. Въ самомъ дѣлѣ, напишемъ краснорѣчивое посланіе къ графу.

Настоятель согласился, и когда письма были готовы, оставалось только разрѣшить вопросъ, какимъ образомъ доставить ихъ по принадлежности. Это было не малое затрудненіе, такъ какъ никто не хотѣлъ идти въ непріятельскій лагерь.

— Въ такомъ случаѣ, придется, вѣроятно, воспользоваться тѣмъ посломъ, который недавно спасъ Бжуханскаго—проговорилъ Кордецкій,—наша старая, вѣрная Констанція не откажетъ намъ въ этой услугѣ.

Немедленно послали за старухой, но ея въ монастырѣ не оказалось. Послѣ довольно продолжительныхъ поисковъ, ее, наконецъ, нашли въ крѣпостномъ рву и пригласили въ келью.

— Что прикажите, отче?—спросила Констанція.

— Бѣда тебѣ, моя милая,—сказалъ настоятель,—придется второй разъ прогуляться въ шведскій лагерь и вручить вотъ эти письма Миллеру и Вейгарду.

— Дѣло знакомое! Шведы меня боятся, а не я ихъ; давайте скорѣе письма, такъ какъ мнѣ сегодня хотѣлось-бы по-раньше вернуться въ монастырь.

Въ громадной кельѣ готовились къ торжественному праздничному ужину; на узкихъ монастырскихъ столикахъ, покрытыхъ бѣлоснѣжными скатертями, изъ подъ которыхъ по старинному обычаю выбивалось сѣно, стояли блюда съ рыбой и разными овощами, на металлической тарелкѣ лежали облатки. Кордецкій взялъ одинъ изъ нихъ и предложилъ старушкѣ.

— Иди,—сказалъ онъ,—съ Богомъ и принеси намъ успокоеніе.

Констанція взяла часть облатки, склонилась передъ настоятелемъ и прошептала:

— Что будетъ съ Ганной, отче?

— Сдѣлаемъ все, что возможно; я буду искать ее вездѣ, даю тебѣ слово.

Услышавъ это, обрадованная старушка, хотѣла уже уйти, какъ внезапно къ ней приблизился Замоискій и тоже съ облаткой.

— Позволь и мнѣ подѣлиться съ тобой облаткой, мужественная женщина,—съ чувствомъ проговорилъ онъ,—дай

намъ Богъ встрѣтить будущій праздникъ при лучшихъ обстоятельствахъ и провести его болѣе спокойно, чѣмъ нынче.

Черезъ минуту Констанція исчезла.

Но вотъ на темномъ небѣ показалась первая звѣзда и въ келью постепенно стали собираться всѣ приглашенные на ужинъ.

Сегодня нельзя было долго засиживаться, такъ какъ осажденные ждали ночного нападенія.

Ужинъ прошелъ печально, молчаливо, потому что всѣ топились скорѣе кончить его и бѣжать въ укрѣпленіе, на посты. Онъ напоминалъ вечера первыхъ христіанъ, когда надо было постоянно прислушиваться, не раздастся ли откуда-нибудь грозный звонъ оружія и крики преслѣдователей.

Спустя немного, всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и поспѣшно удалились: монахи въ церковь, а воины въ укрѣпленіе.

Ясногорскіе начальники хотя ожидали отъ Миллера отвѣта на письмо, но почти не надѣялись на перемиріе; напротивъ, предполагали даже съ нѣкоторой увѣренностью, что шведскій генералъ воспользуется настоящимъ праздникомъ и произведетъ нападеніе. Въ виду этого, приходилось удвоить вниманіе и по возможности слѣдить за всѣми болѣе или менѣе подозрительными въ непріятельскомъ станѣ движеніями. Ночь была ясная, морозная, темное небо было усыяно звѣздами. Кругомъ на всей оборонительной линіи была полная тишина. По крѣпостному банкету неслышно бродили воины въ полномъ вооруженіи, зорко поглядывая по сторонамъ и напряженно вслушиваясь въ каждый подозрительный шорохъ. Съ наружной стороны главной башни передъ образомъ Богоматери чуть-чуть теплилась лампадка, бросая слабый мигающій свѣтъ на высокую неподвижную фигуру монаха, прикрытаго длиннымъ бѣлымъ плащомъ. Шведскій лагерь тонулъ во мракѣ зимней ночи, и, казалось, спалъ; всюду было тихо, только время отъ времени на аванпостной линіи слышались оклики смѣняющихся часовыхъ, да шелестъ крыльевъ птицъ, кружащихся надъ павшими въ бою.

На зарѣ вернулась Констанція и принесла письмо.

Настоятель ласково встрѣтилъ ее и спросилъ:

— Ну, что слышно, милая?

— Все удалось, какъ нельзя лучше, — отвѣтила она. —

Шведы приняли меня съ почестями и водили по всему лагерю

съ криками: «посоль изъ монастыря»! Я имѣла счастье видѣться съ самимъ генераломъ; онъ громко смѣялся надо мной, затѣмъ прочиталъ ваше письмо, кивнулъ головой и наконецъ бросилъ его, не сказавъ ни слова. Вейгардъ былъ болѣе вѣжливъ, и тотчасъ отвѣтилъ на письмо. Въ лагерѣ меня разспрашивали, что у насъ здѣсь происходитъ, что думаютъ осажденные, что дѣлаютъ, но, кажется, немного они отъ меня добились. Шведы къ чему-то готовятся, надо полагать къ новому нападенію.

Кордецкій между тѣмъ читалъ письмо. Въ немъ Вейгардъ старался убѣдить его въ своей дружбѣ и увѣрялъ, что неоднократно хлопоталъ за монаховъ, но Миллеръ ему уже не довѣряетъ, и только, благодаря его усиленнымъ просьбамъ согласился отложить штурмъ на одинъ день.

Генералъ оказалъ эту любезность для того, чтобы осажденные провели первый день праздника въ мирѣ и спокойствіи и наконецъ оцѣнили его доброту и снисходительность.

Но затѣмъ ясногорцы должны сдать, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ ждетъ окончательная гибель: Вейгардъ умолялъ монаховъ не сомнѣваться въ искренности его дружбы и совѣтовалъ какъ можно скорѣе приступить къ переговорамъ.

Кордецкій кинулъ письмо и, успѣвши отправиться въ церковь, гдѣ, начиная съ полуночи, все время продолжалось богослуженіе.

Тѣмъ временемъ въ непріятельскомъ лагерѣ происходили чрезвычайно дѣятельныя приготовленія къ штурму. Лютеране и кальвинисты встрѣтили праздникъ короткой молитвой и тотчасъ отправились на свои посты. Генералъ съ утра уже былъ на конѣ, объѣзжалъ ряды своего войска, ободрялъ и соблазнялъ предстоящей богатой добычей. Но солдаты равнодушно выслушивали его рѣчи и въ душѣ были почти увѣрены, что имъ не удастся овладѣть монастырскими сокровищами.

Шведскій авангардъ уже двинулся впередъ, батареи выѣзжали на позицію, пѣхотные солдаты заготовляли штурмовыя лѣстницы. Изъ монастыря доносился колокольный звонъ, слышались звуки музыки и пѣніе гимновъ.

Непріятельскіе солдаты, вслушиваясь въ эти звуки, тревожно поглядывали на заколдованную, по ихъ мнѣнію, Ясную

Гору и съ недобрымъ предчувствіемъ ждали предстоящаго боя. Вѣра въ непреодолимую силу ченстоховскихъ чаръ до такой степени укоренилась въ нихъ, что ее ничто уже не могло поколебать. Люди, не понимавшіе глубокаго религіознаго чувства, все необыкновенное, непостижимое, ничѣмъ другимъ не могли назвать, какъ только чарами.

Солдаты, разумѣется, привыкшіе къ военной дисциплинѣ, исполняли всѣ приказанія, но вяло и безъ всякаго увлеченія, даже офицеры относились какъ-то апатично къ своимъ обязанностямъ и не выказывали прежняго рвенія.

Несмотря на обѣщанія Вейгарда, Миллеръ, не получивъ отъ монаховъ надлежащаго отвѣта и хорошо понимая, что они хотятъ только новой провоочки, приказалъ открыть огонь. Кажется никогда еще за все время осады не было такой ожесточенной канонады. Непріатели точно были доведены до отчаянія безпрестанными неудачами и употребляли какъ бы послѣднія усилія.

Шведы во что-бы то ни стало хотѣли зажечь монастырь и обратить его въ развалины.

Въ редутахъ гремѣли страшные единороги, кулеврины, мортиры, осыпая ясногорцевъ ядрами, бомбами и гранатами.

Миллеръ стоялъ на холмѣ и смотрѣлъ, наслаждаясь каждымъ болѣе или менѣе удачнымъ выстрѣломъ, но, къ его несчастію, таковыхъ оказывалось немного. Промахи страшно его раздражали. Вейгардъ старался держаться отъ генерала подальше, такъ какъ ему надоѣли безпрестанные упреки.

Поляки вышли изъ своего лагеря и слѣдили за бомбардировкой, вовсе не скрывая своего возмущенія. Настроеніе ихъ духа было чрезвычайно угнетенное, нѣкоторые изъ нихъ еле сдерживали себя, чтобы не кинутся на шведовъ.

Они мрачно переглядывались между собой и конвульсивно сжимали рукояти сабель.

Каждый разъ, когда вѣтеръ разгонялъ облака пороховога дыма, Миллеръ жадно глядѣлъ на монастырь, каждую минуту ожидая увидѣть его въ пламени, но Ясная Гора была непоколебима и точно парила въ облакахъ.

Осажденные, со всѣхъ сторонъ запертые въ своемъ укрѣпленіи, переживали самыя ужасныя минуты. Ничтожный въ

численномъ отношеніи гарнизонъ долженъ былъ раздѣлиться на части, безпрестанно отстрѣливаться, охранять монастырскія строенія отъ пожара и подготовляться къ отраженію непріятельскаго штурма. Ядра и гранаты ежеминутно падали во дворъ и съ страшнымъ грохотомъ разрывались въ куски; слышались крики раненыхъ и раздирающіе душу стоны умирающихъ. Стекла со звономъ вылетали изъ оконныхъ рамъ, подъ ударами снарядовъ съ трескомъ ломались кровли домовъ, обрушивались стропила, трещали стѣны, всюду былъ невообразимый шумъ. Самые робкіе изъ осажденныхъ молились и каждую минуту ждали смерти. Настоятель во все время канонады находился въ укрѣпленіи, и, подъ градомъ пуль и ядеръ безстрашно переходилъ отъ бастіона къ бастіону, благословляя сражающихся и возбуждая въ нихъ мужество и отвагу.

Замойскій энергично руководилъ обороной и внимательно слѣдилъ за дѣйствіями непріятелей.

— Товарищи! — кричалъ онъ, — не теряйте бодрости и съ честью выполняйте вашу великую благородную задачу.

Чарнецкій стоялъ при орудіяхъ, наблюдая за наводившими ихъ пушками, всецѣло поглощенный этимъ занятіемъ. Послѣ каждаго удачнаго выстрѣла у него вырывались радостныя восклицанія, иногда онъ хмурился, когда надъ его головой со свистомъ пролеталъ снарядъ и попадалъ въ какое-нибудь монастырское зданіе.

Непріятельскій огонь усиливался, земля стонала отъ грома орудій, осажденные просто выбивались изъ силъ и порою падали отъ усталости. Больше всего подвергалась бомбардировкѣ сѣверная часть оборонительной линіи, такъ какъ непріатели именно съ этой стороны хотѣли сдѣлать проломъ, чтобы ворваться въ укрѣпленіе.

На крышахъ нѣкоторыхъ монастырскихъ строеній въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже неоднократно показывалось пламя, но ясногорцы не давали ему распространиться и тотчасъ заливали водой. Въ общемъ вредъ отъ канонады былъ не такъ великъ, какъ всѣмъ это казалось. На кровляхъ лежалъ снѣгъ, и потому многіе снаряды сами потухали, не успѣвъ разорваться; нѣкоторыя ядра, упавъ во дворъ, глубоко зарывались въ землю. Вся Ясная Гора плавала въ облакахъ поро-

хового дыма, въ глубинѣ котораго поминутно сверкала огненная лента.

Ченстоховскіе защитники мужественно отстаивали свою святыню, поражая врага хотя не слишкомъ частымъ, но зато мѣткимъ огнемъ. Шведскій авангардъ, замѣтивъ, что съ-вершая часть стѣны въ нѣсколькихъ мѣстахъ дала сильныя трещины, въ ожиданіи скорого штурма рассыпался въ цѣпь и началъ перебѣжку частями. Ясногорцы, подпустивъ шведовъ на близкую дистанцію, встрѣтили ихъ дружными залпами изъ мушкетовъ, аркебузовъ и крѣпостныхъ пищаей. Чарнецкій направилъ на непріятелей нѣсколько мортиръ. Бомбы съ зло-вѣщимъ шинѣніемъ, описавъ дугу, перелетѣли черезъ цѣпь и попали въ первыя шеренги колонны шведовъ, находившейся въ резервѣ. Непріятели пришли въ замѣшательство, но вскорѣ оправались и храбро двинулись впередъ. Поляки на минуту притихли, снова позволили шведамъ приблизиться, а затѣмъ, подкрѣпляемые артиллеріей, открыли учащенную пальбу. Залпы слѣдовали за залпами, такъ что вскорѣ вся эта сторона оборонительной линіи совершенно скрылась въ густыхъ облакахъ порохового дыма. Мушкеты отъ непрерывной стрѣльбы до такой степени накалились, что стрѣлки почти не могли держать ихъ въ рукахъ. Шведы пришли въ ярость, и, несмотря на крупный уронъ въ людяхъ, очертя голову, шли все впередъ. Нѣкоторые смѣльчаки почти приблизились къ самому крѣпостному валу и уже хотѣли было въ одномъ мѣстѣ засыпать его. Ясногорцы, однако, не потеряли присутствія духа и продолжали поражать враговъ градомъ выстрѣловъ. Каждый ихъ залпъ былъ выдержанъ и сметалъ цѣлые ряды солдатъ. Поляки увлеклись боемъ и были точно въ какомъ-то упоеніи. Даже раненые не выходили изъ строя и оставались на своемъ посту до тѣхъ поръ, пока кое-какъ могли владѣть оружіемъ или пока непріятельская пуля не прекращала ихъ земное существованіе.

Чарнецкій лично наводилъ орудія и посылалъ снарядъ за снарядомъ въ разомкнутые ряды непріятельскихъ колоннъ. Гранаты и бомбы разрывались съ оглушительнымъ трескомъ и производили страшное опустошеніе въ войскѣ шведовъ. Выстрѣлы осажденныхъ до такой степени участились и настоль-

ко были удачны, что непріатели наконецъ не выдержали и стали отступать. Поляки продолжали ихъ преслѣдовать дружными залпами и наконецъ привели своихъ враговъ въ полное замѣшательство. Нѣкоторые солдаты въ паническомъ ужасѣ обратились въ бѣгство. Миллеръ черезъ своего ординарца приказалъ батареѣ, находившейся въ редутѣ, направить на монастырь усиленный огонь, чтобы прикрыть отступление.

Послышался непрерывный грохотъ орудійныхъ выстрѣловъ. Непріательскіе снаряды все чаще и чаще попадали то въ крѣпостные бастионы, то въ монастырскія зданія.

Въ особенности ощутительный вредъ приносила находившаяся въ сѣверномъ редутѣ большая кулеврина, стрѣлявшая тридцатифунтовыми ядрами.

Чарнецкій неоднократно наводилъ свои орудія, чтобы какъ нибудь ее подбить, но всѣ попытки оказывались неудачными.

Каждый выстрѣлъ роковой кулеврины то производилъ сильную трещину въ крѣпостной стѣнѣ, то проламывалъ въ какомъ нибудь мѣстѣ башню, то сносилъ часть крыши съ монастырскихъ строеній. Настоятеля эти поврежденія начинали уже беспокоить.

— Какъ бы эта пушка не надѣлала намъ бѣды! — проговорилъ онъ тихо.

— Ночь уже наступаетъ, — сказалъ Замойскій, — и потому врядъ-ли имъ удастся сдѣлать проломъ, а на зарѣ мы поставимся задѣлать дыры.

Внезапно раздался страшный гулъ и громадная кулеврина разлетѣлась въ куски, убивъ наповалъ своими осколками нѣкоторыхъ пушкарей.

Въ ту же минуту выстрѣлы прекратились, точно неожиданный взрывъ послужилъ сигналомъ къ пріостановкѣ бомбардировки.

Настала тишина... Осажденные, измученные столь продолжительной борьбой, были измучены, не знали какъ объяснить этотъ неожиданный перерывъ и отчасти недовѣрчиво глядѣли на шведскій лагерь. Тамъ происходило какое-то движеніе, суматоха, но постепенно все утихло, лишь время отъ времени доносились какіе-то протяжные оклики и скрипъ телѣгъ.

Чарнецкій закрутилъ усы.

— Да! — сказалъ онъ, вздохнувъ, — сегодня насъ здорово грѣли; пойдемъ-ка осмотримъ, что они, окаянные, натворили.

Настоятель въ эту минуту задумчиво глядѣлъ на шведскій лагерь, затѣмъ повернулся къ присутствующимъ и точно въ какомъ-то пророческомъ предвидѣннѣ торжественно воскликнулъ:

— Кончено! кончено! Во имя Бога привѣтствую васъ, побѣдителей!

— Какъ, отче? — прервалъ Замойскій, — это далеко не конецъ

— Нѣтъ, это уже конецъ, — отвѣтилъ Кордецкій.

— Какимъ образомъ?

— Я вполне увѣренъ.

— Но почему вы предполагаете? — спросилъ Чарнецкій.

— Почему? не знаю! но чувствую, что это наша послѣдняя тревога, нашъ послѣднй бой.... Идемте, господа, успокоимъ и утѣшимъ осажденныхъ.

Сказавъ это, настоятель, въ сопровожденіи своихъ друзей, отправился вѣдоль укрѣпленій, осматривалъ раненыхъ, дѣлалъ имъ перевязки и благодарилъ ихъ за усердіе и храбрость.

Затѣмъ, обратившись къ окружающей его толпѣ женщинъ и подростковъ, Кордецкій ласково проговорилъ:

— Дѣти мои, разойдитесь, — опасность миновала, отдохните, бѣдные.

Вскорѣ настоятель, въ обществѣ Чарнецкаго и Замойскаго, спустился по каменной лѣстницѣ внизъ и направился къ воротамъ. Какъ разъ въ эту минуту послышался звукъ трубы и голосъ брата Павла.

— Поспѣшимъ, — весело сказалъ Кордецкій, — надо узнать, чего еще хотятъ отъ насъ шведы.

Это оказался парламентаръ съ письмомъ отъ Миллера. Оно было, какъ почти всегда, грозное, но тѣмъ не менѣе между строкъ его легко можно было замѣтить неувѣренность и сомнѣніе своего безсилія.

— «Письма ваши, — писалъ Миллеръ — ничто иное, какъ дымъ, и потому онѣ только достойны пламени и дыма. Въ нихъ заключаются однѣ лишь краснорѣчивыя, не имѣющія никакого значенія фразы, пустыя отговорки, дерзкое упорство и...»

— Начало можно пропустить, — замѣтилъ настоятель, — это его обыкновенное излюбленное предисловіе.

Далѣ Миллеръ требовалъ немедленно сдать монастырь шведскому королю и принять гарнизонъ, или....

Здѣсь Замойскій не могъ удержаться отъ смѣха, а Чарнецкій даже схватился за бока.

— Или, — читали они, — монахи должны заплатить за причиненные ихъ упорствомъ убытки и потери въ людяхъ....

— Вотъ онъ, — прервалъ Замойскій, — послѣдній выстрѣлъ... по чужому карману....

— Сорокъ тысячъ талеровъ за себя, двадцать тысячъ за находящихся въ укрѣпленіи шляхтичей. Тотчасъ послѣ уплаты вышеозначенной контрибуціи, генералъ общалъ снять осаду, въ противномъ случаѣ угрожалъ опустошить огнемъ и мечемъ всѣ окрестности, ближайшія имѣнія шляхтичей, а монастырь обратить въ развалины и истребить всѣхъ безъ исключенія монаховъ.

— Молодецъ! — крикнулъ Замойскій, — какъ онъ щедръ на слова!

— Это уже доказательство, — тихо сказалъ Кордецкій, — что онъ не надѣется на успѣхъ, тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; контрибуціи мы не дадимъ, такъ какъ не считаемъ себя побѣжденными, напротивъ, онъ принужденъ отступить, а что касается опустошенія окрестныхъ имѣній и деревень, то это пустая угроза, ибо все, что было можно опустошить, имъ уже давно опустошено. Слава Богу, страна начинаетъ просыпаться и намъ только остается пожелать ему счастливаго пути.

— Хорошій, однако, у шведа аппетитъ, — со смѣхомъ замѣтилъ Чарнецкій, — легко сказать — шестьдесятъ тысячъ талеровъ! Теперь ясно, зачѣмъ ему такъ понадобилась Ясная Гора: почтенному генералу хотѣлось просто набить карманы.

— Да, въ этомъ врядъ-ли можно сомнѣваться...

— Какъ-бы тамъ ни было, — добавилъ Замойскій, — но письмо болѣе чѣмъ странно: вѣдь даже самый наивный человекъ пойметъ, что дѣла его плохи.

— Съ помощью Бога, мы побѣдили! — воскликнулъ настоятель, — да будетъ хвала Всемогущему, по неизреченной милости своей Онъ спасъ насъ грѣшныхъ отъ столь великой опасности.

Сказавъ это, Кордецкій набожно перекрестился и поспѣшилъ въ свою келью.

XXVII.

Намъ приходится немного вернуться назадъ, чтобы объяснить причину, вслѣдствіе которой Миллеръ принужденъ былъ отказаться отъ надежды взять Ясную Гору.

Мы оставили его въ тотъ моментъ, когда шведскій генералъ стоялъ на холмѣ и внимательно слѣдилъ за дѣйствіемъ бомбардировки. Тутъ же недалеко находился графъ Вейгардъ, который въ свою очередь наблюдалъ за всѣми движеніями шведовъ, время отъ времени поглядывая на монастырскія стѣны, не развѣвается-ли на нихъ бѣлое знамя.

Наступилъ вечеръ. Миллеромъ овладѣло нетерпѣніе, онъ быстро подѣхалъ къ сѣверному редуту и приказалъ участить огонь.

Въ присутствіи вождя артиллеристы засуетились и открыли самую учащенную пальбу, порою не успѣвая даже прочистить орудія. Огонь былъ успѣшенъ и Миллеръ уже торжествовалъ, какъ вдругъ раздался страшный взрывъ и огромная кулеверина, послѣ многихъ удачныхъ выстрѣловъ, лопнула и разлетѣлась въ куски.

Почти въ ту-же минуту среди произведеннаго взрывомъ смятенія послышались какіе-то оклики, и вскорѣ къ генералу на взмыленномъ конѣ подскочилъ гонецъ.

Миллеръ, чуя что-то недоброе, нахмурился и молча принялъ отъ гонца пакетъ. Вейгардъ сразу догадался, что это должно быть извѣстія изъ главной квартиры, и съ любопытствомъ приблизился къ генералу.

Миллеръ, взглянувъ на конвертъ и узнавъ печать канцеляріи Карла Густава, повернулъ коня и быстро поѣхалъ въ лагерь. За нимъ помчались нѣкоторые изъ штабныхъ офицеровъ и полковниковъ.

Войдя въ шатеръ, генералъ вскрылъ конвертъ и сталъ читать присланную бумагу. Это былъ королевскій приказъ съ собственноручной подписью Карла Густава. Миллеръ, пробѣжавъ первыя строки, широко раскрылъ глаза отъ удивленія. Ему предписывалось безотлагательно снять осаду и оставить монастырь въ покоѣ, такъ какъ взятіе его возмутило-бы всѣхъ

поляковъ, что далеко не желательно. Далѣе король приказывалъ Миллеру, послѣ отступленія отъ монастыря, немедленно двинуться къ Петрокову, Вейгарду идти въ Велюнь, Садовскому въ Серадзь, князю Гесскому въ Краковъ, а командиру союзнаго польскаго отряда въ Малую Польшу.

Прочитавъ приказъ, генераль съ укоромъ взглянулъ на Вейгарда и тотчасъ черезъ своего адъютанта распорядился прекратить канонаду.

Въ шатрѣ наступило продолжительное молчаніе. Почти всѣ присутствующіе были въ чрезвычайно угнетенномъ состояніи. Столь продолжительная и тяжелая осада не только оказалась бесполезной, но даже, повидимому, вызвала неудовольствіе въ высшихъ сферахъ. Всѣ усилія, всѣ жертвы были напрасны. Монахи могутъ торжествовать побѣду, а имъ предстоитъ позоръ.

Нѣкоторые офицеры съ неудовольствіемъ поднялись съ своихъ мѣстъ и хотѣли уже уйти, но Миллеръ задержалъ ихъ и строго настрого приказалъ не говорить никому о полученномъ предписаніи.

— Его королевское величество, — мрачно сказалъ онъ, обращаясь къ полковникамъ, — самъ меня сюда послалъ; если-бы мы уже взяли Ясную Гору, онъ навѣрно не приказалъ бы намъ ее очистить. Въ нашемъ распоряженіи еще нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ можно будетъ овладѣть монастыремъ. Если мы его возьмемъ, — добавилъ онъ съ улыбкой, — насъ за побѣду не накажутъ, а тѣмъ болѣе это необходимо для солдатъ, такъ какъ въ случаѣ позорнаго отступленія они не будутъ болѣе довѣрять своимъ силамъ и утратятъ отвагу...

Слова Миллера однако не подѣйствовали на окружающихъ. Съ нимъ никто почти не согласился. Осада всѣмъ страшно надоѣла и они хотѣли отдохнуть.

— Простите, генераль, — замѣтилъ князь Гесскій, — вы конечно, можете поступать, какъ вамъ угодно, но намъ надо идти туда, куда приказываютъ. Я послѣ завтра выступаю въ Краковъ.

— Я, въ свою очередь, — добавилъ Садовскій, — согласно приказу, отправляюсь въ Серадзь.

— Что касается меня, — замѣтилъ Вейгардъ, — то я готовъ остаться съ вами.

— Благодарю васъ, — неохотно проговорилъ Миллеръ, — но вы мнѣ врядъ-ли окажете существенную помощь; впрочемъ, посмотримъ еще, какъ будетъ, но во всякомъ случаѣ прошу васъ, господа, хранить въ тайнѣ полученный нами приказъ.

Всѣ ушли, кромѣ Вейгарда, отъ котораго генералъ болѣе чѣмъ отъ кого-либо другого хотѣлъ избавиться, такъ какъ терпѣть его не могъ, но тотъ упорно сидѣлъ.

— Генералъ, — обратился графъ, — хотя вы, можетъ быть, снова на меня разсердитесь, но еще одно слово.

— Развѣ еще недовольно этихъ словъ! — воскликнулъ Миллеръ. — Благодаря именно вашимъ словамъ, я потерялъ время, массу солдатъ и въ довершеніе всего скомпрометированъ.

— А если дѣло еще можно поправить?

— Весьма сомнѣваюсь. Чѣмъ-же, напримѣръ?

— Деньгами! — съ улыбкой прошепталъ чехъ.

— Графъ, вы, кажется, предполагаете, что и горечь стыда можно усладить деньгами?

— Нисколько, но почему же намъ должно быть стыдно за то, что мы были слишкомъ снисходительны, довѣрчивы и ласковы съ обманщиками и лицемерами?..

— Откуда же явятся деньги?

— Натурально, изъ монастыря!

Миллеръ насмѣшливо захохоталъ.

— Вы опять начинаете меня морочить, графъ; впрочемъ, говорите, какимъ же образомъ оттуда могутъ явиться деньги?

— Да вотъ какимъ образомъ. Осажденные вѣдь ничего не знаютъ о королевскомъ приказѣ, а между тѣмъ сегодняшняя бомбардировка должна была окончательно ихъ встревожить, и потому пошлемъ въ монастырь письмо, въ которомъ предоставимъ монахамъ выбрать одно изъ двухъ: или полное уничтоженіе или выкупъ.

Генералъ подумалъ-подумалъ и наконецъ жадность взяла свое: согласился. Вскорѣ оба они составили письмо и вечеромъ отправили съ трубачемъ въ монастырь.

На слѣдующій день канонады не было; какъ шведы, такъ и ясногорцы наслаждались желаннымъ отдыхомъ.

Было далеко еще до полудня, когда въ шведскомъ лагерѣ появилась Констанція. Она прямо направилась къ шатру Мил-

лера, котораго застала въ обществѣ многихъ старшихъ офицеровъ. Его окружали Вейгардъ, Калининскій, Садовскій, князь Гесскій, Зброжекъ и Комаровскій. Констанція смѣло подошла къ нимъ, вручила одно письмо Миллеру, а другія два Вейгарду и князю Гесскому. Послѣднимъ она еще передала два свертка съ книжками и образками. Это былъ рождественскій подарокъ отъ Кордецкаго.

Миллеръ и шведы злобно засмѣялись, Вейгардъ поспѣшно спряталъ свой даръ, какъ-бы стыдясь его передъ иновѣрцами; князь Гесскій, наоборотъ, съ интересомъ разсматривалъ свертокъ, затѣмъ сѣлъ и сталъ внимательно читать исторію чудотворнаго образа Ченстоховской Богоматери.

Миллеръ торопливо пробѣжалъ глазами свое письмо, нахмурился и передалъ его Вейгарду. Тотъ просмотрѣлъ и, не сказавъ ни слова, отошелъ въ сторону.

XXVIII.

Въ то время, когда шведы, утомленные непрерывными бомбардировками, спокойно отдыхали, на Ясной Горѣ происходило что-то необыкновенное. Поднялся какой-то странный шумъ, слышались веселые крики, музыка и пушечная пальба. Миллеръ, услышавъ эти ликованія, свачала предположилъ, что осажденные уже знаютъ о королевскомъ приказѣ и скоромъ отступленіи шведовъ и теперь насмѣхаются надъ нимъ. Имъ овладѣла ярость и жажда мести, но Зброжекъ успокоилъ шведа.

— Сегодня въ монастырѣ праздникъ святого Стефана, — заявилъ онъ, — тамъ у нихъ два именинника: Замойскій и его сынъ; ихъ теперь, вѣроятно, поздравляютъ.

Между тѣмъ ченстоховскія пушки все чаще и чаще грохотали.

— Должно быть, у нихъ много пороху! — мрачно замѣтилъ Миллеръ.

— Очевидно, если его такъ не жалѣютъ, — добавилъ Зброжекъ.

Вейгардъ былъ блѣденъ и золъ.

Въ монастырѣ Кордецкій еще съ самаго утра, въ сопровож-

деніи многихъ монаховъ, отправился къ Замойскому, въ рукахъ у него былъ большой образъ Ченстоховской Божіей Матери и прекрасныя, украшенныя золотомъ агатовыя четки. За нимъ рядами двигались священники, нѣкоторые шляхтичи, солдаты, пушкари и музыканты. Замойскій, увидѣвъ столь торжественное шествіе, выбѣжалъ навстрѣчу настоятелю и съ чувствомъ воскликнулъ:

— Ахъ, отче, я недостойнъ такой чести.

— Нѣтъ, ты достоинъ, сынъ мой! — серьезно сказалъ Кордецкій. — Защитники алтаря Богородицы, слуги Ея, привѣтствуютъ тебя, и приносятъ пожеланія тебѣ долгой жизни и всякаго благополучія. Да благословитъ Богъ тебя, твою семью и все, что тебя окружаетъ; ты не жалѣлъ для Него не только своей жизни, но и жизни самыхъ дорогихъ для тебя существъ, ты все принесъ въ жертву. Богъ продлитъ твои года, благословитъ и озаритъ лучами счастья... Примите же нами искреннія пожеланія, дорогой Стефанъ и ты, благородный юноша, вмѣстѣ съ ними примите на память отъ насъ этотъ образъ нашей великой Заступницы, а также, какъ даръ отъ Нея, вотъ эти четки.

Замойскій, жена его и сынъ, растроганные до глубины души этой торжественной сердечной рѣчью, плакали и обнимались со всѣми поздравлявшими. Въ эту минуту съ монастырскихъ стѣнъ грянули всѣ пушки, такъ что Замойская вскрикнула:

— Боже! что это такое?

— Ничего, ничего, успокойтесь, — сказалъ настоятель, — это мы салютуемъ въ честь вашего супруга. *Vivat Stephanus!*

— Ради Бога! — воскликнулъ Замойскій, — что вы дѣлаете, отче, вѣдь нельзя же такъ напрасно истреблять порохъ, когда насъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ враги.

— Другъ мой, вы здѣсь не комендантъ, — съ добродушной улыбкой возразилъ Чарнецкій, — въ особенности сегодня вы только имянинникъ; не беспокойтесь, дорогой Стефанъ, пороху у насъ достаточно; пусть шведы знаютъ, что съ такими людьми, какъ вы, мы ихъ нисколько не боимся...

Въ это время заиграла музыка и подъ звуки марша въ залу вошли нарядно одѣтые шляхтичи. Во главѣ ихъ шелъ Чарнецкій. На немъ былъ великолѣпный жупанъ, стянутый

золотымъ поясомъ, поверхъ жупана алаго цвѣта кунтушъ, украшенный золотыми шнурами, на головѣ опушенная бѣлымъ мѣхомъ шапка съ цаплинымъ перомъ, съ боку висѣла чудная сабля, отдѣланная серебромъ и драгоценными камнями.

Остановившись, онъ съ доброй улыбкой посмотрѣлъ на Замойскаго и просто заключилъ его въ объятія. Оба друга прослезились.

— А все таки,—прошепталъ Чарнецкій,—хотя ты иманинникъ, но я не могу простить тебѣ за то, что не взялъ меня на свою вылазку.

Послышались веселыя восклицанія окружающихъ друзей шляхтичей.

— *Vivat Zamoiski! vivat Stephanus!*

— Чару! чару!—громко проговорилъ Чарнецкій,—наполнимъ ее хотя-бы водой, если въ погребахъ нѣтъ вина, и выпьемъ за здоровье дорогого Стефана, его супруги и ихъ наслѣдника.

— Нѣтъ! нѣтъ!—прервалъ настоятель,—не беспокойтесь, найдется вино, и я первый хотя маленькую рюмочку, но непременно выпью за здоровье достойныхъ людей.

Пушки безпрестанно гремяли, слышались звуки музыки, добрые люди такъ веселились, точно имъ уже не угрожала никакая опасность.

Вскорѣ, однако, они опомнились и поспѣшили въ укрѣпленіе.

Настроеніе духа у всѣхъ защитниковъ было прекрасное, они чувствовали, что гроза миновала, и что непріатели не рѣшатся возобновить нападеніе.

Замойскій тоже вышелъ, а за нимъ слѣдовалъ оркестръ и игралъ веселый маршъ.

Совершенно противоположное происходило въ шведскомъ станѣ. Тамъ царилъ тишина, тамъ слышались проклятья и жалобы. По лагерю бродили блѣдные, усталые солдаты, бросаая злобные взгляды на Ясную Гору, у подножія которой они перенесли столько лишеній, потеряли многихъ товарищей, потеряли славу, добытую въ многочисленныхъ бояхъ. Всюду виднѣлись застывшія лужи крови, разбитыя колеса, опрокинутыя телѣги, сломанные лафеты.

Наконецъ ночь прикрыла своимъ покровомъ всѣ эти страшныя слѣды уничтоженія.

Внезапно по лагерю распространился приказъ къ отступленію. Шведы стали вывозить орудія изъ редутовъ, складывать шатры и нагружать ими повозки.

Непріатели старались соблюдать тишину, чтобы уйти во мракъ ночи, незамѣтно для осажденныхъ ясногорцевъ.

Одна только Констанція увидѣла это движеніе и, съ радостью подбѣжавъ къ монастырскимъ воротамъ, начала стучать въ нихъ своей толстой палкой.

— Во имя Бога! что съ тобой?—вскричалъ братъ Павелъ, въ испугъ вскочивъ со стула.—Что случилось? Можетъ быть, враги подступаютъ, или гдѣ нибудь горить?

— Впустите меня скорѣе!—громко кричала старушка.—Я иду къ вамъ съ доброй вѣстью!

Братъ Павелъ накиннулъ свой старый плащъ съ капюшонъ и поспѣшилъ открыть потайную дверь, хотя уже было послѣ «Angelus».

— Что случилось?—спросилъ монахъ.

— Шведы укладываютъ свои пожитки и уходятъ, запыхавшись сказала Констанція,—я сейчасъ сообщу эту новость въ монастырь.

Она вбѣжала въ корридоръ, открыла дверь въ главную залу и, какъ привидѣніе, остановилась у порога. Въ залѣ было много народу. Констанція немного опомнилась и теперь не спѣшила съ извѣстіемъ, желая насладиться впечатлѣніемъ, какое она произведетъ.

Священникъ Страдомскій первый увидѣлъ ее и, взявъ со стола тарелку съ какимъ-то кушаньемъ, подошелъ къ старушкѣ.

— Мы тебя не забыли,—сказалъ онъ, — и видишь, кой-что оставили тебѣ къ ужину.

— Да и я пришла не съ пустыми руками,—съ улыбкой отвѣтила Констанція.

— Отлично, что-же ты намъ принесла?

— Послѣдній привѣтъ отъ Миллера.

— Какъ-такъ? гдѣ? развѣ онъ прислалъ письмо?

— Нѣтъ, не письмо, но только поклонъ.

— Что-же Миллеръ поручилъ тебѣ передать?.. Разскажи,—съ нѣкоторымъ беспокойствомъ сталъ допытываться священникъ Страдомскій.

— Ничего онъ мнѣ не поручилъ... а только шведы снимаютъ шатры и уходятъ.

Проповѣдникъ подбѣжалъ къ настоятелю.

— Отче! Благодареніе Всевышнему! Шведы отступаютъ! Шведы отступаютъ!

Лишь только эта вѣсть пронеслась по монастырю, какъ всюду послышались радостныя восселичанія.

— Кто это сообщилъ? Быть не можетъ, — раздавались голоса нѣкоторыхъ сомнѣвающихся.

Всѣ окружили старушку.

Кордецкій еле протиснулся сквозь толпу и остановился передъ Констанціей.

— Откуда ты знаешь, слуга Пресвятой Дѣвы, что шведы отступаютъ? — спросилъ онъ ее.

— Почему-же мнѣ и не знать? Я не только слышала, но и видала: шведы увозятъ пушки, увязываютъ повозки, сѣлаютъ лошадей и прощаются съ Ясней Горой.

— Можетъ-ли это быть?

— Можете быть вполне увѣрены.

— Дѣти! — воскликнулъ настоятель, обращаясь къ присутствующимъ, — пойдемъ благодарить Бога за Его милость и споемъ гимнъ. Можетъ быть, это съ ихъ стороны какая-нибудь военная хитрость, но такъ или иначе, а надо молиться.

Всѣ постепенно удались изъ залы. Одни пошли къ своимъ женамъ подѣлиться съ ними пріятной новостью, другіе последовали за Кордецкимъ въ часовню, монахи въ церковь на ночное бдѣніе, а нѣкоторые въ укрѣпленія, съ цѣлью прослѣдить происходящее въ непріятельскомъ лагерѣ движеніе.

Ночь, однако, была настолько темна, что ничего нельзя было разглядѣть; время отъ времени только неясно доносились голоса солдатъ, скрипъ военныхъ повозокъ и лошадиный топотъ...

Констанція, между тѣмъ, выйдя изъ залы, медленно направилась къ той части укрѣпленія, гдѣ находился Кшиштопорскій. Онъ, какъ всегда, молча стоялъ на своемъ посту и мрачно глядѣлъ по сторонамъ.

— Слушай, — сказала она, пронизывая его своимъ взглядомъ, — неужели на тебя не подѣйствуютъ всѣ пережитыя здѣсь событія и совершившееся теперь чудо? Неужели ты даже въ

такія торжественныя минуты не опомнишься и не обратишься на путь истинный? Отдай старцу ребенка, прости ему отъ всего сердца и повѣрь мнѣ, ты будешь счастливъ!

— Ступай прочь! — злобно проговорилъ Кшиштопорскій, — уйди! или я застрѣлю тебя, какъ собаку.

Констанція долго на него глядѣла съ укоромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ какимъ-то состраданіемъ.

— Прощай, — промолвила она тихо, — да простить тебя Богъ!

Старый шляхтичъ молчалъ. Констанція не оглядываясь, спустилась по ступенямъ внизъ, подошла къ дверямъ церкви и, присѣвъ, закрыла глаза. Она тихо шептала молитвы и время отъ времени изъ подъ ея закрытыхъ вѣкъ катились крупныя слезы, пока всеильный сонъ не овладѣлъ этой бѣдной изстрадавшейся женщиной.

XXIX.

На востокъ показалась пурпуровая полоска.

Осажденные съ нетерпѣніемъ ждали восхода солнца, чтобы убѣдиться, въ самомъ-ли дѣлѣ отступаютъ шведы. Утренняя мгла отчасти закрывала непріятельскій лагерь и пренятствовала ясногорцамъ наблюдать за всѣми движеніями шведовъ. На крѣпостномъ банкетѣ и на башняхъ собрались монахи, женщины и даже дѣти.

Но вотъ на горизонтѣ показалось солнце и осажденные увидѣли, что сообщенное Констанціей извѣстіе оказалось истиной.

Непріатели быстро собирались въ путь, предавая огню все, чего не могли взять съ собой. Изъ мѣстечка доносились крики мѣщанъ, которыхъ солдаты сочли своимъ долгомъ на прощанье ограбить. Шатры уже были сложены и лежали на повозкахъ, по дорогѣ вереницей тянулись орудія; работавшіе надъ подкопомъ, согнанные изъ окрестныхъ деревень крестьяне спѣшили домой или въ монастырь помолиться передъ чудотворнымъ образомъ Пресвятой Дѣвы.

Настоятель грустно смотрѣлъ на поля, гдѣ было пролито столько крови, и какъ-бы переживалъ въ своей возвышенной

душѣ всѣ перенесенныя этими жертвами войны страданія. Великій защитникъ Ясной Горы былъ молчаливъ, серьезенъ и все не думалъ о томъ, что въ эту минуту безсмертное имя его записывается на славнѣйшія страницы исторіи его родины, что всѣ прославляютъ его мужество, твердость, терпѣніе, непоколебимую вѣру, сравниваютъ съ Маккавеемъ и повторяютъ его слова:

«Лучше намъ погибнуть на войнѣ, нежели смотрѣть на несчастія нашего народа... Какъ Всемогуцій рѣшить на небесахъ, такъ да свершится по Его волѣ».

Внезапно среди этой радостной тишины въ сѣверной части укрѣпленія раздался выстрѣлъ, а затѣмъ рѣзкій крикъ. Почти всѣ кинулись туда; со стороны рва подымался голубоватый дымъ, а на крѣпостномъ банкетѣ, распростершись, лежалъ смертельно раненый Кшиштопорскій. Лицо его было страшно блѣдно, члены конвульсивно вздрагивали. Настоятель подбѣжалъ къ нему и склонился надъ шляхтичемъ, съ цѣлью облегчить его послѣднія минуты и дать ему возможность исповѣдаться.

Но было уже поздно, надъ Кшиштопорскимъ парила смерть и лишь только Кордецкій его перекрестилъ, онъ въ ту-же минуту скончался.

Кшиштопорскій былъ послѣдней жертвой осады. Какой-то шведскій солдатъ, пользуясь тѣмъ, что ясногорцы теперь уже были менѣе внимательны, незамѣтно подкрался къ крѣпостной стѣнѣ и, желая отомстить за всѣ перенесенныя неудачи хотя одному католику, прицѣлился изъ мушкета и сразилъ стоявшаго у амбразуры шляхтича.

Всѣ стояли на колѣняхъ возлѣ убитаго и молились за его душу.

Констанція отъ кого-то узнала о случившемся, подбѣжала къ трупу и съ крикомъ упала на землю.

Никто изъ присутствующихъ не обратилъ на нее вниманія, такъ какъ всѣ были взволнованы неожиданной смертью хотя очень угрюмага, но вмѣстѣ съ тѣмъ отважнаго шляхтича.

Сюда собрались многіе осажденные и между ними жена Плазы. Увидѣвъ трупъ Кшиштопорскаго, она поблѣднѣла и почти бѣгомъ бросилась назадъ въ свою квартиру.

Священникъ Петръ Лассота поспѣшно отправился къ своему больному брату.

— Молись, — сказалъ онъ, открывъ двери, — за душу Кшиштопорскаго, — какой то шведскій солдатъ застрѣлилъ его во время отступленія.

Старецъ въ первую минуту точно не понималъ словъ брата и глядѣлъ на него широко раскрытыми глазами; затѣмъ медленно опустился на колѣни и, не выказавъ никакого другого чувства, кромѣ печали, сталъ тихо шептать «Angelus». Во время молитвы онъ вспомнилъ внуку и расплакался.

Внезапно распахнулись двери и въ комнату быстро вбѣжала, точно обезумѣвшая отъ радости Ганна. Блѣдная и немного исхудавшая, она тотчасъ обняла старца и воскликнула:

— Дѣдушка! дѣдушка! я опять съ тобой! я опять съ тобой!

Старикъ отъ радости не могъ сказать ни слова и весь дрожалъ; ему подали воды. Немного успокоившись, онъ прижималъ внуку къ своей груди, поминутно ласкалъ ее, забывъ даже спросить Ганну, откуда она явилась.

Она весело щебетала и время отъ времени говорила:

— Я опять съ тобой, дѣдушка, и мы сейчасъ поѣдемъ домой!

Наконецъ отецъ Петръ не выдержалъ и спросилъ ее:

— Но расскажи пожалуйста, гдѣ ты была и что съ тобой случилось?..

— Право, не знаю, — отвѣтила Ганна, — сколько времени я тамъ просидѣла.

— У кого?

— У одной, очень доброй женщины.

— Но кто-же она такая?

— Да та дама, которой вы меня отдали...

— Я!.. тебя отдалъ?! — воскликнулъ старецъ.

— А кто-же? — спросила Ганна. — Вѣроятно, такъ и надо было; но меня томило одиночество.

— Но расскажи, моя дорогая, гдѣ-же ты была? кто тебя туда увелъ?

Ганна, немного успокоившись, сказала:

— Каждый разъ вечеромъ, когда я уходила въ церковь, я встрѣчала эту даму, которая постоянно заговаривала со мной.

Въ тотъ день она отвела меня въ сторону, гдѣ было потемнѣе, и проговорила: «дитя мое, меня послалъ за тобой господинъ Лассота, твоей жизни угрожаетъ опасность, такъ какъ Кшиштопорскій, изъ мести къ твоему дѣду, хочетъ тебя убить». Я испугалась и вскрикнула, а она тихо прошептала: «пойдемъ ко мнѣ, я такъ тебя хорошо спрячу, что никто и не догадается, гдѣ ты находишься». Я была въ страшной тревогѣ и послѣдовала за своей покровительницей; она привела меня въ свою квартиру, заперла въ маленькой комнаткѣ, въ которой было только одно окно, охраняла меня, приносила мнѣ разные бушанья, и наконецъ только сегодня утормъ...

Дѣвочка не успѣла окончить, какъ въ комнату вбѣжала Констанція, схватила ее въ объятія и воскликнула:

— Дитя мое! мое дорогое дитя.

Старый Лассота, узнавъ голосъ Констанціи, вскочилъ съ кровати испуганный и удивленный.

Ганна, въ свою очередь, радостно привѣтствовала старушку.

Священникъ Петръ Лассота, недовольный столь фамиллярнымъ отношеніемъ нищей къ ихъ любимому дѣтищу, съ неудовольствіемъ сказалъ:

— А ты зачѣмъ здѣсь?

Старушка опомнилась и хотѣла уйти, какъ вдругъ Янъ Лассота воскликнулъ:

— Это она!.. это Констанція! и въ ужасномъ положеніи!

Услышавъ эти слова, старушка какъ-бы съ нѣкоторой гордостью проговорила, обращаясь къ Яну Лассотѣ:

— Да, это я, сначала твоя жена, потомъ жена другого, та, что отравила тебѣ жизнь и затѣмъ искренно раскаялась. Я отреклась отъ свѣта, отъ имени, добровольно стала нищей, посмѣшищемъ у людей и молила Бога о прощеніи. Передъ всѣми я должна была отказаться отъ этого ребенка, чтобы съ помощью такой страшной жертвы загладить мои прегрѣшенія, но даже сегодня я еще недостойна васъ, недостойна радости видѣть свою внучку, на которую мнѣ только хотѣлось взглянуть и благословить ее. Черезъ минуту я уйду, куда глаза глядятъ... и никто изъ васъ болѣе не увидитъ меня.

Всѣ присутствовавшіе въ комнатѣ хранили глубокое молча-

не. Констанція развязала платокъ, вынула оттуда кусокъ хлѣба и, показывая его Ганнѣ, проговорила:

— Этотъ кусокъ хлѣба, который ты мнѣ тогда дала, еще не зная, кто я, мое самое драгоценное сокровище. Половину его я пожертвовала Пресвятой Дѣвѣ, съ этой же половиной я не разстанусь до самой смерти, которая, вѣроятно, очень близка.

Ганна въ смущеніи приблизилась къ старушкѣ и та со слезами на глазахъ нѣжно ее благословила. Янъ Лассота былъ подавленъ нахлынувшими самыми разнообразными чувствами и не могъ прійти въ себя.

Констанція между тѣмъ взяла свою палку, окинула грустнымъ взоромъ какъ внучку, такъ и мужа, и прежде чѣмъ окружающіе опомнились, быстро исчезла. Ганна и отецъ Петръ выбѣжали за ней, желала ее удержать, но Констанція куда-то скрылась во мракъ ночи, и болѣе не вернулась на Ясную Гору.

XXX.

На слѣдующій день въ монастырь направлялись цѣлыя толпы мѣщанъ и крестьянъ, желавшихъ помолиться передъ чудотворнымъ образомъ Бегоматери. У всѣхъ на глазахъ были слезы, знакомые и не знакомые при встрѣчѣ обнимались и поздравляли другъ друга.

Замойскій и Чарнецкій, опасаясь со стороны шведовъ какой-нибудь хитрости и внезапнаго нападенія, приняли всѣ мѣры предосторожности и зорко наблюдали за окрестностями.

Кордецкій, воинъ-побѣдитель, снова преобразился въ смиреннаго монаха, несмотря на то, что осада окружила его ореоломъ вѣчной славы.

Настоятель поспѣшилъ сообщить объ отступленіи шведовъ Яну Казимиру, покровителю монастыря графу Беллари, каштеляну Варницкому и другимъ.

Кордецкій на многочисленныя поздравленія прибывавшихъ въ монастырь гостей скромно опускалъ голову и неизмѣнно отвѣчалъ:

— Не мы, не мы, но Богъ побѣдилъ.

.

Такъ окончилась эта памятная и ознаменованная чудомъ осада.

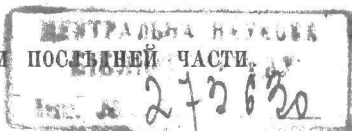
Шведы отступили отъ Ясной Горы встревоженные и пристыженные. Многіе изъ нихъ были убѣждены, что ихъ одолѣли какія-то невѣдомыя таинственныя силы, которыя они называли чарами.

До какой степени у шведовъ осталась въ памяти эта осада, можно судить потому, что у нихъ долго были въ употребленіи поговорки, въ родѣ того, напримѣръ: «Если ты такой храбрецъ, то овладѣй Ченстоховомъ!» или «А чтобъ тебѣ довелось осаждать Ченстоховъ!» Кромѣ того, они называли Ясную Гору «могилой отважныхъ».

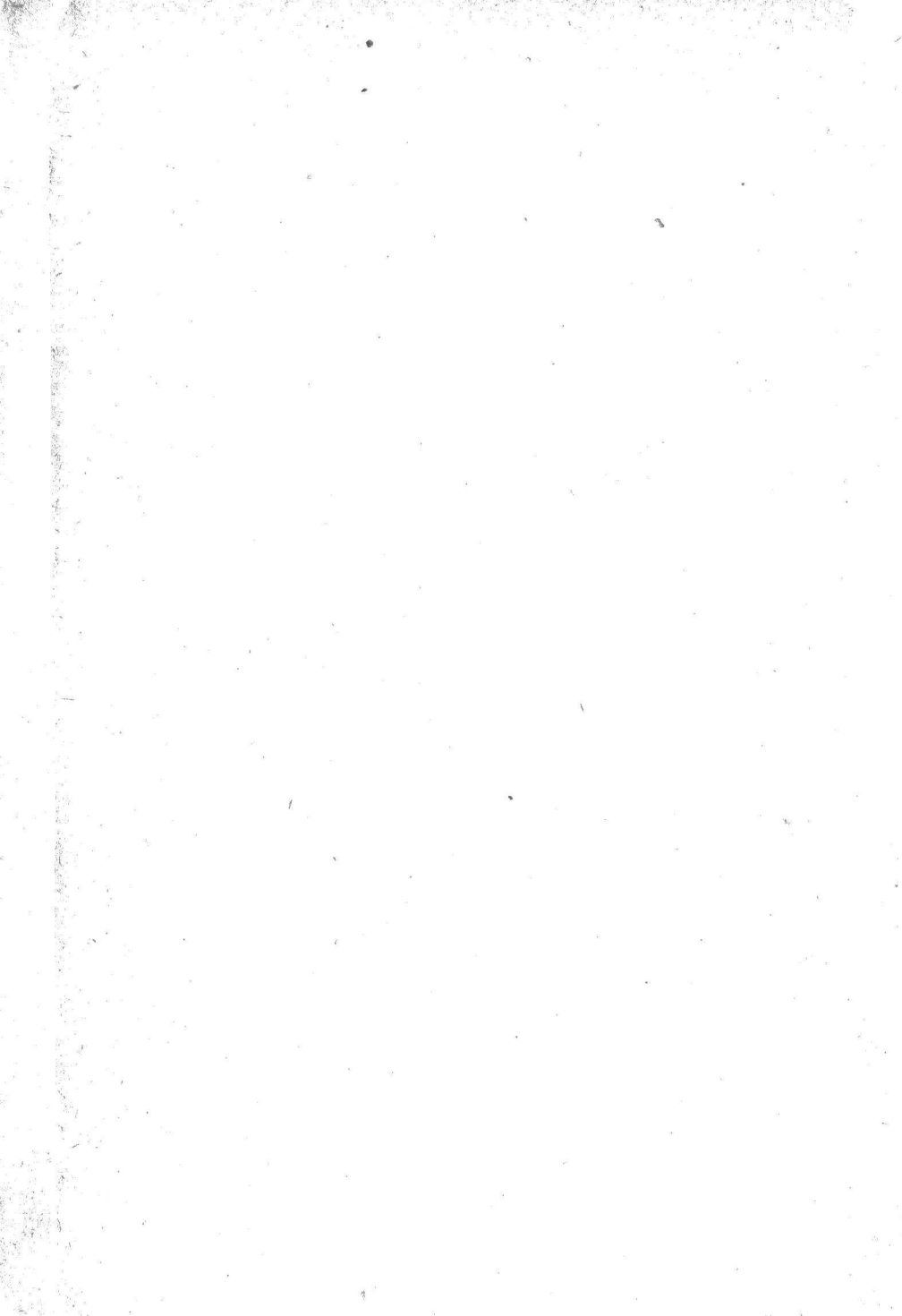
Главный инициаторъ осады—чехъ Янъ Вейгардъ графъ Вжещевичъ не долго прожилъ послѣ ея окончанія. Спустя почти годъ (въ сентябрѣ 1656 г.), онъ былъ окруженъ въ калишскомъ воеводствѣ воеводой Грудзинскимъ и, потерявъ въ битвѣ восемьсотъ человѣкъ, позорно бѣжалъ въ окрестные лѣса, гдѣ черезъ нѣсколько дней, выслѣженный мужиками, былъ убитъ, какъ песь, не оружіемъ, но просто дубинами.

Славная побѣдоносная защита Ясной Горы произвела во всей Польшѣ громадное впечатлѣніе; она доказала, что шведы тамъ только побѣждали, гдѣ не встрѣчали надлежащаго отпора. Зло, причиненное гордымъ магнатомъ измѣнникомъ Радзеіовскимъ, было устранено смиреннымъ монахомъ, человѣкомъ очень незначительнымъ въ глазахъ свѣта, сыномъ простыхъ крестьянъ, священникомъ Августиномъ Кордецкимъ. Благодаря ему, страна проснулась и стала рвать свои оковы, которые она добровольно позволила на себя надѣть. Но легче потерять, чѣмъ найти, легче испортить, нежели исправить. Шведы еще четыре года опустошали страну, и наконецъ только въ началѣ 1660 года, въ Оливѣ подъ Данцигомъ, со Швеціей былъ заключенъ миръ, въ силу котораго вѣды шпринуждены были окончательно удалиться изъ Польши.

Конецъ второй и

2010-11

Въ Главной конторѣ журнала „СВѢРЪ“ (Спб. Невскій, 170) продаются:

РОСКОШНЫЕ ПОРТРЕТЫ

2 р. Е. И. В. Государя Императора 2 р.
НИКОЛАЯ II,

художественно исполненные по особому заказу (въ 19 красокъ, вышиною — 15 верш. и шириною — 12 верш.). Цѣна 2 руб. съ перес., а для гг. подписчиковъ журнала „СВѢРЪ“, казенныхъ учреждений и школъ — 1 руб. съ перес.

СОБРАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ

Генрика Сенкевича.

«Огнемъ и мечемъ» — въ 4 ч. (in 8°, 661 стр.). Цѣна: 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к. 2) «Потопъ» — въ 9 ч. (in 8°, 1038 стр.). Цѣна: 2 р. 50 к. съ перес. 3 р. 3) «Павъ Володѣевскій» — въ 3 ч. (in 8°, 552 стр.). Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Покупавшіе всѣ 3 романа платятъ 5 р., съ перес. 6 р.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

4 р. **Н. Д. АХШАРУМОВА.** 4 р

Въ 10 томахъ.

Съ приложеніемъ портрета автора, его автографомъ и біографическимъ очеркомъ Л. Сорокина. Томъ I: «Чужое имя», романъ въ 3-хъ ч. Частъ 1-я, гл. I — Паслѣдство. II — Родственники. III — Свиданіе. IV — Подлюбовная сдѣлка V — Дорога. VI — Рубиконъ Частъ 2-я, гл. I — Товарищи. II — Розыскъ. III — Визитъ. IV — Лабиринтъ. V — Ариадна Томъ II: «Чужое имя», ром. (окончаніе). Частъ 3-я, гл. I — Сосѣди. II — Суженный. III — На новыхъ мѣстахъ IV — Гости. V — Съ глазу на глазъ VI — Кузины VII — Открытія VIII — Объясненія. IX — Разсчеты. X — Итоги. «Ночное», разсказъ. — «Смерть Стѣпцова», кавказская быль. Томъ III: «Концы въ воду», романъ въ 3-хъ ч. Частъ 1-я, гл. I II: Кузина Оля. Частъ 2-я, гл. I — XIII: Жюли. Частъ 3-я, гл. I — XVI Каменный гость. — «Мандаринъ», романъ въ 4-хъ ч. Частъ 1-я, гл. I XV. Томъ IV: «Мандаринъ», ром. (окончаніе). Частъ 2, 3 и 4-я. Томъ V: «Двойникъ» повѣсть. Предисловіе. I Волѣвъ II — Кризисъ. III — Ампутаціи. «Игрокъ» повѣсть въ 2-хъ ч. Томъ VI: «Мудреное дѣло», очеркъ въ 3-хъ ч. Частъ 1-я: Отсталый. Частъ 2-я: Между словомъ и дѣломъ. Частъ 3-я: На дѣлѣ. Томъ VII: «Граждане лѣса», сказка въ 2-хъ ч. Томъ VIII: «Натурщица», юридическая фикція — «Во что бы то ни стало», романъ въ 3-хъ ч. Частъ 1-я: Дѣло Лизы Томъ IX: «Во что бы то ни стало», ром. (продолженіе). Частъ 2-я: Принцесса въ поденщикахъ. Томъ X: «Во что бы то ни стало», ром. (окончаніе). Частъ 3-я: Отказъ отъ наслѣдства. — Выброшенная за бортъ.

Цѣна за 10 томовъ: 4 р. безъ перес., 5 р. съ перес.; въ роскошныхъ переплетахъ изъ цвѣтного англійскаго коленкора съ чернымъ и золотымъ тисненіями — 5 р. безъ перес., 6 р. съ перес.

Гг. подписчики „СВѢРА“ за пересылку не платятъ.

Высылка производится немедленно по полученіи 1 руб. задатка (деньгами или почтовыми марками). Съ наложеннымъ платежемъ, безъ задатка, изданія не высылаются.

9-11

Виза № 1

АВТО

М. 15

19

19

19

19

Кому

М. 15

19

19

19

19